

"Возвращение (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

===== Пролог =====

До рассвета еще больше четырех часов.

Шерлок поднимает воротник пальто, пытаясь хоть как-то укрыться от январской ледяной мороси. Но маневр не спасает, к тому же шарф забыт в спешке, и теперь шея и уши беззащитны перед промозглыми порывами ветра.

Он передергивается, глубже засовывая руки в карманы. Вокруг холодно, полутемно и тихо. Даже свет фонарей словно бы приглушен, потому что светить-то собственно не для кого: тот, кто поздно ложится, давно уже спит, тот, кто рано встает, еще не проснулся.

Детектив зябко переступает с ноги на ногу, поглядывая на темные окна гостиной. Там, за сомнительной преградой из стекла и портьер, наверняка тепло. Возможно, еще тлеют угольки в камине, иногда вспыхивая, бросая неверные отсветы на узорчатые обои миссис Хадсон...

Приподняв плечи, Шерлок зарывается замерзшим носом в воротник и закрывает глаза.

Даже теперь, три с лишним года спустя, он помнит все до мельчайших подробностей: каждую деталь обстановки в квартире, каждую царапину на стенах, каждую трещину на потолке.

Часто по ночам, лежа без сна в очередном потаенном убежище, он мысленно переносился на Бейкер-стрит. Заходил в дом, не торопясь поднимался по лестнице, открывал дверь в гостиную.

Он всегда начинал с гостиной. Зажигал свет, скользил взглядом по потертой коже дивана, подмигивал смайлику на обоях. Чуть улыбался, обнаружив идеальный порядок на письменном столе, ласково касался книг на книжных полках и надолго замирал, глядя на пустующие кресла перед камином.

Затем через кухню вновь выходил в коридор.

Удивительно, но во время этих воображаемых ночных визитов домой он не заглядывал в свою спальню. Словно там не оставалось ничего, по чему стоило бы скучать, ничего, чего стоило бы снова увидеть. Однако его всегда со страшной силой тянуло вверх – туда, где он раньше бывал слишком редко и уж точно никогда по ночам.

В комнату к Джону...

Сердце сжималось, ноги медленно отсчитывали ступени, ладонь скользила по отполированным до блеска перилам. В его воображении дверь всегда была неизменно закрыта, но не заперта. Он останавливался перед ней, затаив дыхание и прислушиваясь. Чуть надавливал, приоткрывая, напряженно всматривался в темноту ...и никогда не заходил внутрь, как будто потеряв на это право в тот день, когда шагнул с крыши Бартса...

...Брр!

Шерлок встряхивается, словно мокрый пес, от пальто и волос разлетается водяная пыль.

Все-таки глупо было приезжать сюда ночью, сорвавшись с места, как только стало известно о благополучном завершении операции. Несомненно, правильное было дожидаться утра.

И Майкрофта...

Мысль о брате заставляет крепче сжать зубы.

«Нам надо хорошенько продумать твое возвращение, ты не можешь просто прийти к нему как ни в чем не бывало...»

Конечно, он прав. Шерлока охватывают досада и горечь. Стоило бросаться сломя голову, вызывать такси, кусать губы от нетерпения, пока таксист лавировал по обесцвеченным ночным сумраком улицам, выпрыгивать чуть ли не на ходу из машины, и все для того, чтобы теперь вот так вот стоять столбом, не решаясь пересечь последние несколько футов.

Проезжую часть, шириною в три года.

О чем он только думал?.. Шерлок достает телефон, но палец безвольно замирает над дисплеем, а взгляд вновь устремляется к окнам гостиной.

Может... все же войти? Раз уж приехал...

==== Часть первая =====

Он переходит улицу, только когда движение на ней оживляется.

Небо окрашивается в серо-розовый цвет, обещая скорое пробуждение солнца. Хмурые люди в автомобилях косятся на одинокую фигуру на тротуаре, и Шерлок понимает, что медлить дальше бессмысленно и чревато.

Ключ подрагивает в замерзших пальцах, замок тихо щелкает, от страха перехватывает горло и скручивает живот. Шерлок аккуратно захлопывает за собой дверь, думая о том, что так страшно ему не было даже перед прыжком.

Его первое потрясение - запах, головокружительно знакомый, теплый, едва уловимый, наполненный оттенками дерева, старых обоев и выпечки. Шерлок жмурится, на минуту увлеченный вопросом, а осталось ли что-нибудь у миссис Хадсон от тех булочек с джемом, которые она явно пекла накануне.

Второе потрясение - куртка Джона на вешалке.

Шерлок мгновенно забывает о булочках, шагает ближе, протягивает руку. Но ладонь застывает в паре дюймов от ткани, пальцы сжимаются в кулак, еще через секунду кулак с силой прикушен, потому что не поддаться глупейшему порыву схватить, обнять, уткнуться лицом оказывается неожиданно трудным.

Да что с ним такое?!!

Недовольный собой, он отворачивается от вешалки, решая не раздеваться, потому что все еще не согрелся. Осторожный подъем по лестнице вызывает мучительное чувство дежавю, перекликаясь с привычной фантазией, вынуждая пусть на мгновение, но все же усомниться в реальности происходящего.

Шерлок чуть усмехается, подавляя желание ущипнуть себя за руку. Черт знает, в кого он превратился в изгнании. Но теперь все позади. На этот раз он по-настоящему дома. Осталось лишь объясниться с Джоном...

На пороге гостиной он глубоко вздыхает и медленно приоткрывает дверь...

*

Ощущение иллюзорности снова усиливается.

Шерлок останавливается посреди комнаты, озадаченно хмурясь, оглядываясь, как человек, который попал не туда, куда собирался.

Залитое белесым утренним светом окружающее пространство совершенно не соответствует ожиданиям, и нелепое предположение, что он все-таки спит, опять атакует его рассудок.

Слово «невозможно» точно не из его лексикона, но именно оно сейчас настойчиво бьется в мозгу, шальной, обезумевшей птицей мечется по чертогам его разума, сея хаос в идеально упорядоченной системе.

Он слишком удивлен, это выбивает из колеи, и Шерлоку требуется достаточно много времени, чтобы навести порядок в чертогах и вновь вернуть себе ясность восприятия.

И с какой стати он так разнервничался, Майкрофт же предупреждал...

Но тревога все равно укореняется где-то в середине груди, потому что одно дело – знать, что Джон ревностно сохраняет квартиру в том виде, в котором она была до гибели Шерлока, а другое – обнаружить, что и через три года гостиная выглядит так, словно он покинул ее всего пару часов назад.

Взгляд настороженно скользит по комнате, последовательно подмечая подробности.

Его синий халат небрежно брошен на спинку дивана. На журнальном столике неаккуратная стопка газет, ножницы, газетные вырезки. В кресле – скрипка, будто неубранная впопыхах. На кухне микроскоп, и Шерлок почти уверен, что, загляни он в холодильник, обнаружит там голову или еще какой-нибудь трофей из анатомического театра.

Но больше всего интригует письменный стол.

Шерлок несмело присаживается на приглашающе отодвинутый стул, смотрит на погасший экран своего ноутбука. Рядом с компьютером его кружка, в ней кофе.

Абсурд...

Он обхватывает ладонью покрывшийся испариной лоб, чувствуя настоятельную потребность избавиться от верхней одежды. Разливающийся по телу жар мешает думать. Шерлок встает, снимает пальто, складывает, пристраивает на спинку стула и снова садится.

Кофе. Этому должно быть объяснение.

Первая пришедшая на ум догадка оказывается настолько прекрасной, что сердце срывается в пляс, выстукивая немыслимые па-де-де.

Джон его ждет.

Он обо всем догадался, понял подсказки. Замечательный, сообразительный, восхитительный Джон. Какое счастье, какое облегчение...

Шерлок счастлив ровно тридцать две секунды. Затем в его поле зрения попадает скрипка на кресле, смычок лежит рядом, и первоначальная версия меркнет, теряя реалистичность под влиянием этой, неуместной в ее рамках детали.

Зачем Джон положил скрипку на кресло?.. Ведь не для того же, чтобы его друг, вернувшись, тут же бросился на ней играть. Детектив невесело усмехается. Скрипке на кресле не место. Это бессмысленно. В большинстве случаев...

Кроме, пожалуй, одного...

Череп скалится с каминной полки, насмехаясь над тем, что его бывший хозяин так долго не мог осознать очевидное: скрипка вполне может храниться на кресле, если она ...экспонат.

Шерлок снова осматривается, глядя вокруг совсем другими глазами, ощущая себя гостем на чужой территории, посторонним элементом в идеально завершенной картине.

Он решил, что наконец-то находится дома? Он ошибся.

Он в музее Шерлока Холмса...

*

Джон появляется в дверном проеме внезапно.

Он полностью одет, в джинсы, рубашку и бежевый джемпер, и в руке у него пистолет. Ошеломленному Шерлоку остается только удивляться, что он не услышал шагов друга на лестнице, хотя что тут удивительного с учетом только что сделанного открытия и военного прошлого Джона.

Шерлок цепляется за стул под собой, потому что ему кажется, что он снова стремительно падает, летит вниз с все нарастающей скоростью, и то, разобьется ли он, зависит только от друга.

Джон делает резкий шаг назад, наткнувшись спиной на косяк, его глаза расширяются, рука с пистолетом дергается, словно в попытке отгородиться от увиденного.

В голове у Шерлока становится так пусто, как будто в чертогах его разума кто-то провел генеральную уборку, выкинув все, что хранилось в них прежде. Заготовленное объяснение, логичное и убедительное, бесследно испаряется из его памяти, и все, на что оказывается способен детектив, это сдавленно прошептать:

- Джон... я... я живой...

Доктор Уотсон сглатывает, раз, другой, открывает рот, глубоко вздыхает, набирая полную грудь воздуха. Шерлок ждет, отчаянно... молясь?.. чтобы друг нашел в себе силы воспринять все спокойно, чтобы не сорвался, не сделал какой-нибудь глупости.

И кому бы ни молился детектив, его мольбы оказываются услышанными. В глазах Джона вновь появляется осмысленность, руки перестают дрожать, еще через пару минут он отрывается от косяка и убирает пистолет за пояс.

- Вижу... - неожиданно хладнокровным тоном произносит Джон.

Пожалуй, слишком хладнокровным, но для того, чтобы как следует проанализировать этот факт, Шерлок слишком взбудоражен собственными эмоциями. Он так рад, что самое сложное позади, душу настолько переполняют облегчение и... гордость за друга, за его самообладание и

великолепную выдержку, что Шерлок вскакивает с места, чуть ли не готовый к объятиям...

Но Джон не спешит обниматься. Он отворачивается, наклоняется, убирая с кресла скрипку и смычок, и невозмутимо предлагает:

- Присаживайся...

Все-таки что-то не так. Шерлок бросает на Джона растерянный взгляд и опускается в кресло. Оно привычно принимает в себя его тело, и этот узнаваемый комфорт слегка успокаивает.

Джон садится напротив и подпирает пальцем висок:

- Я слушаю...

Сердце будто прокалывают горячей иглой, но сейчас не время концентрироваться на болезненно знакомых жестах, и Шерлок наклоняет голову, собираясь с мыслями.

Следующие десять минут он говорит.

Повествует, как обратился за помощью к Майкрофту, как договорился с Молли. Доказывает, поясняет, аргументирует, оправдывается.

...Он не собирался прыгать, это был запасной вариант. Но Мориарти не оставил ему выбора. И пришлось принять единственно правильное решение. Иначе они все бы погибли. Джон бы погиб...

Так сложно не отвлекаться на Джона, на отливающую сталью синеву его глаз, на горькую складку у губ, но Шерлок старается.

...Он не ожидал, что ситуация окажется настолько сложной и его добровольная ссылка затянется. Он не мог дать о себе знать, чтобы не подвергать Джона опасности. Но теперь все в порядке, криминальная сеть Мориарти полностью ликвидирована, так что он... вернулся, чтобы они снова... жили... как прежде...

Шерлок замолкает, ловит взгляд друга, ожидая реакции. Тот молчит, и выражение его лица по-прежнему странно бесстрастное.

Что, черт возьми, происходит?..

- Джон?.. - не выдерживает Шерлок, злясь на себя за предательски дрогнувший голос.

- Я все понял... - спокойно сообщает тот.

Но не успевает Шерлок обрадоваться тому, что услышал, как Джон наклоняется вперед, опираясь локтями на колени и соединяя пальцы в замок, смотрит сурово и требовательно:

- А теперь правду. Кто ты и какого хрена здесь делаешь?..

==== Часть вторая =====

- Мне следовало сразу понять, что вы в этом замешаны! - Джон стоит у стола, оборонительно скрестив на груди руки.

Майкрофт выглядит слегка озадаченным, насколько он вообще может позволить себе эмоции

подобного толка, и Шерлок порадовался бы данному обстоятельству, если бы сам не был столь огорошен.

Он по-прежнему сидит в кресле, напряженно выпрямив спину, закинув ногу на ногу и с силой сжимая ладонями мягкие подлокотники.

Неожиданный приход брата избавил его от необходимости отреагировать на заданный Джоном вопрос, и пока доктор Уотсон спускался вниз и отпирал дверь, Шерлоку, по крайней мере, удалось задушить на корню унижительное желание броситься к другу и, тряхнув его за плечи, отчаянно крикнуть: «Это же я, Джон! Почему ты не веришь?!..»

Планируя свое возвращение, Шерлок допускал, что при негативном развитии событий Джон от потрясения может упасть в обморок, может принять его за привидение, может сильно разозлиться из-за обмана, может даже ударить его от переизбытка чувств (этот вариант представлялся детективу наиболее вероятным).

Но никогда, ни разу Шерлоку не приходила в голову мысль, что Джон может его не узнать.

Что он не захочет его узнавать...

- Кхм... - сдержанно откашливается Майкрофт. - Доктор Уотсон, я полагаю, Шерлок вам все уже рассказал, так что вы не можете... кхм... отрицать... очевидной целесообразности...

- Хватит! - рявкает Джон, отчего британское правительство вздрагивает и замолкает. - Хватит... - продолжает Уотсон более спокойным тоном. - Ради бога, прекратите этот фарс. Я, конечно, знал, что совести у вас ни на грош, но все же не думал, что вы опуститесь до такого цинизма...

Майкрофт переводит вопросительный взор на Шерлока, все еще не осознавая масштабов недоразумения, и злорадство приторной каплей все-таки разбавляет в душе детектива горький коктейль из растерянности, обиды и разочарования.

Джон морщится, горбится, будто под гнетом внезапно навалившейся тяжести, трет ладонью лицо:

- Ведь он же был вам родным братом, Майкрофт...

Старший Холмс слегка изгибает бровь, изумленно оглядывает застывшего, словно памятник самому себе, Шерлока, хмурится, задумчиво касаясь указательным пальцем поджатых губ.

«Дошло, наконец...» - мысленно язвит детектив, не желая признавать, что ему немного легче оттого, что можно разделить с братом ответственность за ситуацию.

- Вы не доверяете собственным глазам, доктор Уотсон?.. - после недолгого молчания интересуется Майкрофт, глядя в пол и небрежно обводя кончиком зонта полустертый узор на ковре.

Джон тяжело вздыхает, обессиленно опуская руки, и присаживается на край стола.

- Я же врач, Майкрофт... И в курсе, на каком уровне развития находится современная медицина, и в частности - пластическая хирургия. Так что, с учетом ваших неограниченных возможностей, за три года вы могли настругать с десятков таких двойников...

Шерлок приоткрывает рот, его нижняя губа слегка подрагивает, Майкрофт косится на него и крепче сжимает изогнутую рукоятку зонта.

- Послушайте, доктор Уотсон...

- Нет, это вы послушайте, мистер Холмс! - источаемые Джоном гнев и раздражение наполняют комнату, заставляя Шерлока ёжиться, как от озноба. - Я не знаю, зачем вам все это нужно, да и знать не хочу. Но одно скажу точно, пока я жив, никакие самозванцы не будут проживать в квартире моего погибшего друга и оскорблять его память!!!

Пожалуй, даже лежа на тротуаре в луже поддельной крови, Шерлок не чувствовал себя настолько... мертвым.

Горечь разъедает душу, подначивая немедленно встать и уйти, навсегда покинуть невыносимую комнату, любовно наполненную его вещами, которые теперь вовсе не его вещи - они принадлежат человеку, ушедшему из жизни три года назад...

Майкрофт переминается с ноги на ногу, явно выведенный из равновесия, недоуменно поглядывает на брата.

«Не понимает, почему я молчу...» - отстраненно констатирует Шерлок, чуть поворачивает голову, смотрит на Джона и... Конечно, он никуда не уйдет. Ведь это же Джон. Его Джон. Преданный, честный, решительный, смелый, наивный, забавный...

Ради чего тогда все...

- Пожалуйста, уходите... - в голосе Джона неприкрытая боль, и от ощущения обнаженной, кровоточащей раны Шерлок немеет еще больше.

Он ловит взгляд брата, беззвучно шевелит губами, Майкрофт в ответ с досадой качает головой, но все же пытается еще раз:

- Джон, я прошу, выслушайте меня. Согласитесь, я нечасто обращаюсь к вам с просьбой.

Доктор Уотсон отворачивается, все так же сутулясь, сдавливает пальцами переносицу, безмолвствует, потом, не глядя на них, произносит:

- Ладно. Но пойдете на кухню. Я не хочу разговаривать в присутствии посторонних...

*

Оставшись один, Шерлок вновь обретает полноценную способность двигаться. Он откидывается на спинку кресла, складывает в привычном жесте ладони, прижимает их к губам и тревожно смотрит на задвинутую перегородку между гостиной и кухней.

Брат говорит негромко, и до Шерлока доносится лишь нечленораздельный речитатив, но детективу вовсе не обязательно знать, о чем именно вещает Майкрофт. А вот то, что ему отвечает Джон, знать жизненно необходимо.

Шерлок медленно поднимается и, крадучись, подходит ближе. Тот, кто считает, что подслушивать нехорошо, просто никогда не испытывал в этом настоящей потребности. Шерлок испытывает. Он принакает ухом к щели между створками, задерживает дыхание, великолепно

слыша, как громко стучит его сердце.

- Вы в чем сейчас пытаетесь меня убедить, Майкрофт?.. - с тихой угрозой осведомляется Джон.
- Вы хотите сказать, что Шерлок... мой Шерлок... мог поступить со мной подобным образом?..

Почему-то становится трудным дышать, и что-то странное случается с мышцами ног, Шерлок едва удерживается от того, чтобы мягко не осесть на пол.

- Я понимаю, что для вас он всегда оставался гениальным, но взбалмошным мальчишкой, за которым нужен глаз да глаз, но я знал его настоящего... - Джон постепенно повышает голос, и теперь в его тоне фанфарами звучат уверенность, гордость и восхищение. - И это был великий человек...

Шерлок все-таки сползает вниз, привалившись боком к перегородке.

- Человек с гениальным умом, добрым сердцем и благородной душой...

Шерлок закрывает глаза.

- Но главное, он был мне другом... и вы думаете, я поверю, что он мог спокойно жить где-то эти три года, не давая о себе знать?..

Добраться обратно до кресла оказывается нелегко, особенно потому, что приходится это делать ползком. Но к тому моменту, когда Майкрофт и Джон вновь появляются в комнате, Шерлок опять сидит на прежнем месте.

- Я сейчас поднимусь к себе, - спокойно предупреждает Джон, - а когда через пять минут снова спущусь, чтобы ни вас, ни этого джентльмена, - он кивком указывает в сторону Шерлока, - здесь уже не было...

Майкрофт провожает его взглядом, глубоко вздыхает и усаживается в кресло напротив брата. Некоторое время они безмолвствуют, потом Майкрофт пожимает плечами.

- Тебе легко убедить его в своей... - он слегка причмокивает, словно обсасывая то слово, что собирается произнести, - ...подлинности.

Шерлок чуть дергает уголком рта.

- Поскольку если и можно подделать внешность, то... - старший Холмс растягивает губы, что, несомненно, призвано обозначить улыбку, - ...гений подделать невозможно...

Снова повисает молчание. Шерлок застывшим взглядом смотрит куда-то в закопченные недра камина, затем шепчет:

- Мне нужна твоя помощь...

*

- Джон... - Майкрофт повернут к Шерлоку спиной, но напряженная линия его плеч отлично отражает негативное отношение к происходящему, - я должен выразить вам свое восхищение...

У Джона покрасневшие шея и уши, руки сцеплены в замок за спиной, словно он с трудом сдерживается, чтобы не ударить стоявшего перед ним человека.

- Давайте обойдемся без политеса, Майкрофт...

- Как скажете... - тон старшего Холмса становится жестче. - С одной стороны, я чрезвычайно благодарен вам за проявленную преданность памяти моего... - Майкрофт осуждающе поглядывает на Шерлока, - ...несчастливого брата и за то, что вы со свойственным вам... упорством... не позволили ввести себя в заблуждение представленной нами... кхм... легендой... - он наклоняет голову, тяжело опираясь на зонтик. - А с другой стороны, я весьма удручен - потому что проект государственной важности находится под угрозой.

- Ближе к делу.

- К сожалению, я не могу поделиться с вами всеми подробностями. Проект засекречен. Скажу только, что в целях обеспечения государственной безопасности потребовалось, чтобы имя моего брата по-прежнему фигурировало на арене борьбы с внутренними врагами нашей страны. Мне было нелегко пойти на этот шаг...

«Спасибо...» - думает Шерлок.

- Но сейчас не время предаваться личным переживаниям. Государству требуется наша поддержка, Джон...

- Майкрофт...

- Позвольте мне договорить. Никто не знал моего брата настолько хорошо, как вы. И вы, по сути, единственный, кто был в полной мере знаком с нюансами его поведения в повседневной жизни... Мы сделали все, что могли. Я думаю, вы в состоянии оценить результаты наших трудов.

- Да уж.

- Так помогите нам! Оттенки, штрихи, детали, чтобы образ получился законченным...

- Вы не понимаете! - Джон сжимает ладонью лоб. - Ведь это же просто внешнее сходство! Все бессмысленно! Гений Шерлока подделать невозможно!

- Вы правы... - голос Майкрофта абсолютно бесцветен. - Но нам нужна только картинка...

Джон обхватывает себя за локти, отходит к окну, молчит так долго, что Шерлоку кажется, что миновала целая вечность, потом сообщает:

- Хорошо, я согласен. Сколько мне придется над этим работать?

Майкрофт снова переглядывается с братом.

- Месяц.

*

Старший Холмс неторопливо надевает пальто, берет из рук младшего свой зонт.

- Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

Шерлок поджимает губы, едва заметно мотает головой.

- Тогда позволь дать тебе совет, - Майкрофт легонько постукивает по полу зонтом. - Одной ложью нельзя исправить другую...

...Проводив брата, Шерлок возвращается в гостиную. Джон все так же стоит у окна, глядя на улицу. Детектив робко опускается на диван, зажимает ладони коленями.

Джон оборачивается, подходит ближе, останавливается напротив, засунув руки в карманы джинсов.

- Как тебя зовут?

- Что?

- Как тебя зовут по-настоящему?

Шерлок опускает взгляд, растерянно шарит им по журнальному столику. Две косые царапины, ножницы, изрезанные газетные страницы, мелкий черный шрифт на сливочно-белом фоне: «...новейшие исследования норвежского ученого-физика Я. Сигерсона показали...».

- Сигерсон... - он опять вскидывает глаза на Джона. - Ян Сигерсон...

==== Часть третья =====

- Проходи... - Джон распахивает дверь, держась за ручку, чуть отступает в сторону, пропуская Шерлока вперед.

Тот несмело шагает внутрь, с любопытством постороннего оглядывает свою спальню. Забавно, но ему даже не нужно изображать любопытство, он действительно чувствует себя здесь чужим.

В отличие от гостиной в спальне идеальный порядок, все на своих местах, ни пылинки, постель аккуратно застелена, на тумбочке рядом с кроватью простая стеклянная ваза с белыми хризантемами и рамка с фотографией.

- Можно?.. - Шерлок старается не произносить лишних слов, потому что все еще не решил, как именно он должен разговаривать с Джоном.

Тот мнется пару секунд, словно негостеприимный хозяин, недовольный не в меру любознательным гостем, потом берет фото с тумбочки и протягивает детективу.

Явно из полицейского архива.

Да, точно, Шерлок определенно помнит этот случай. Труп, распростертый на полу - охранник ограбленного ювелирного магазинчика. Лестрейд тогда было решил, что парень погиб при исполнении служебных обязанностей, но Холмс сумел доказать, что охранник был в сговоре с грабителями, а те застрелили его, избавляясь от лишних свидетелей.

Банальное, абсолютно неинтересное дело.

Но в груди неожиданно екает, а в кончиках пальцев, сжимающих пластиковую рамку, рождается теплое покалывание. Шерлок сдвигает брови, продолжая пристально рассматривать фотографию.

Он сам на ней изображен вполоборота, склонившись над телом убитого, указывает на пулевое

отверстие в затылке, на лице раздраженно-брезгливое выражение, рот приоткрыт – фотограф застиг его в самом разгаре обличительной речи на тему умственных способностей полицейских.

- А ты хороший актер... – внезапно замечает Джон, холодно усмехаясь, и детектив понимает, что непроизвольно скопировал выражение собственной физиономии. – Насмотрелся?

- Да, спасибо, – Шерлок возвращает ему фотографию и отворачивается, якобы с интересом разглядывая обстановку, но перед его внутренним взором все еще стоит этот снимок, и на нем Джон, присев по другую сторону от трупа, смотрит на друга с гордостью и восхищением.

Шерлок прикусывает губу, потому что ясное осознание того, насколько сильно он хочет, чтобы Джон еще хоть раз посмотрел на него такими глазами, пугает почти до холодного пота.

- Мне бы, конечно, не хотелось, чтобы ты носил его одежду... – негромкий голос Уотсона отвлекает от приводящих в смятение мыслей, – но, думаю, Майкрофт будет настаивать, а потому предлагаю тебе ограничиться двумя костюмами и парой рубашек.

Створки шкафа раскрыты, Шерлок подходит ближе, смотрит, не решаясь коснуться опрятного ряда своих пиджаков и разноцветных сорочек.

- Только не эту, пожалуйста... – Джон решительно убирает в конец ряда плечики с сиреневой рубашкой, детектив искоса бросает на него быстрый взгляд.

Еще один момент, над которым стоит подумать.

Пожалуй, их накопилось слишком много, таких моментов, и Шерлок чувствует категорическую потребность побыть одному, но как добиться этого, не знает, поскольку его привычная модель поведения с другом теперь не работает.

- Извини... – он неловким жестом указывает на дверь в ванную комнату, – это ведь ванная? Мне нужно...

- А? – Джон на мгновение поворачивает голову в указанном направлении. – Да, конечно. Погоди минуту. Скажи...

Уже шагнувший к двери Шерлок вопросительно замирает.

- Сигерсон... это, что, шведская фамилия?

- Норвежская, – стараясь не отводить взгляда, спокойно поясняет детектив и мысленно делает себе пометку при случае избавиться от подказавшей имя газеты. – Мой отец – норвежец, а мать – англичанка.

- Ясно... – Джон хмурится, упрямо поджимая губы, и Шерлок понимает, что проявленный интерес к фамилии – всего лишь прелюдия к основной части беседы. – Должен сказать, что, несмотря на наше сотрудничество, я не собираюсь называть тебя именем моего погибшего друга, Ян...

Шерлока словно толкает ударной волной, выбивая дыхание. Ян... Что ж, все логично, придется привыкнуть.

Джон тем временем отворачивается, вновь тянется к фотографии.

- Я заберу ее, если ты не против...

Его безапелляционный тон совершенно не вяжется со второй частью фразы, но, оставшись, в конце концов, в одиночестве, Шерлок размышляет совсем не об этом, а о том, с какой нежностью Джон, уходя из его спальни, прижимал к груди рамку с фото.

*

Чертовы хризантемы.

Шерлок гневно мнет мелкие лепестки, взъерошивая пушистую цветочную шапку. Венок на его могиле.

Желание избавиться от цветов столь велико, что он не выдерживает, хватая вазу и выставляет ее за дверь в коридор, но тут же одумывается, тащит обратно, ставит на место.

Джону подобная инициатива не понравится, а он не должен сердить Джона. Подумать только, он не должен сердить Джона...

...Предоставленный самому себе, Шерлок принимает душ и переодевается. И теперь, сидя на своей кровати в своей спальне, он вдруг ощущает сильнейшее раздражение.

Ну и зачем ему понадобился этот спектакль?!!

Он, наконец, дома и мог бы спокойно вернуться к нормальной жизни. К расследованиям. К экспериментам. Мог бы сейчас позвонить Лестрейду, договориться о встрече, поехать в участок и, возможно, найти себе дело по вкусу, а заодно полюбоваться на кислые физиономии Андерсона и Донован...

Или же отправиться в Бартс к Молли, чтобы проверить пару интересных гипотез, теоретически не раз уже им подтвержденных, но требующих полноценного экспериментального доказательства.

Он мог бы наслаждаться вновь обретенной свободой, а вместо этого опять сидит взаперти и откликается на чужое имя.

Чушь какая.

Упускаемые возможности и абсурдность сложившейся ситуации высвечиваются перед Шерлоком ярче некуда, и раздражение оборачивается злостью.

Злостью на себя.

Злостью на Джона.

Хватит! Надо с этим заканчивать. Он сейчас же пойдет к Джону и скажет, что... ну, хотя бы что, судя по его подбородку, он уже давно не ходил на свидания.

«И что не так с моим подбородком?» - спросит Джон.

А Шерлок ответит: «Ты точно брился сегодня утром, но качество бритья оставляет желать лучшего, что говорит о том, что ножи твоей бритвы затупились, причем уже довольно давно. Я не думаю, что с твоим трепетным отношением к женщинам ты позволил бы себе пойти на

свидание отвратительно выбритым. Однако чтобы тщательно выбриться тупыми ножами, надо потратить чертову уйму времени, гораздо проще заменить ножи, тем не менее, ты до сих пор этого не сделал, так что мой вывод очевиден: никаких свиданий».

«Шерлок, - скажет Джон, - это потрясающе...»

Не скажет.

Только не теперь и, возможно, уже никогда.

Злость гаснет сразу, будто залитый водою костер. Безысходность мокрым пеплом липнет к душе, и Шерлок закрывает глаза, словно не в силах смотреть в лицо очевидности.

Не нужны ему ни расследования, ни эксперименты, похоже, ему вообще больше ничего не нужно, если Джон никогда не скажет «потрясающе»...

*

Шерлок решает не надевать пиджак. Он останавливается на пороге кухни, тревожно одергивая рукава темно-синей рубашки. Сидящий за столом Джон мельком взглядывает в его сторону, подносит к губам чашку, делает неторопливый глоток, потом интересуется:

- Чай?

- Да, если можно... - Шерлок садится напротив.

Джон встает, достает еще одну чашку, наливает чай, ставит чашку перед Шерлоком и, снова опустившись на свой стул, внезапно предлагает:

- Расскажи о себе, Ян.

Чужое имя снова царапает слух, но Шерлок успешно игнорирует неприятные ощущения, опускает глаза, смотрит внимательно, словно пытаясь разглядеть дно своей чашки сквозь густо-коричневую жидкость.

- Что именно ты хочешь знать?

- Как ты оказался в этом проекте?

- Мне сделали предложение, от которого я не смог отказаться.

- Понятно, - Джон допивает чай и ставит чашку на стол, громко стукнув дном о столешницу. - Когда мистеру Холмсу чего-нибудь нужно, он всегда это получает.

Джон, естественно, не ощущает необходимости уточнять, о котором из двух братьев идет разговор, и, очередной раз выброшенный за пределы реального бытия, Шерлок подавляет горестный вздох. Чтобы отвлечься, он скользит взглядом по гостиной и озадаченно моргает.

«Музей» исчез. Ни скрипки, ни ноутбука, ни кружки, ни, наверняка, халата на диване. Даже череп отсутствует.

«Все унес к себе», - догадывается детектив.

Его вдруг охватывает мучительное чувство неловкости, потому что очередное свидетельство того, насколько ценно для Джона все, что связано с другом, вызывает в организме Шерлока непонятный, странный и пугающий своей неуместностью трепет, отрицательно влияющий на ритм сердца и провоцирующий горячие спазмы в животе.

- Я могу спросить? - он старательно дует на чай, изо всех сил скрывая растерянность.

- Да, - спокойно разрешает Джон. - Ты же здесь как раз для этого.

- Там, в гостиной я видел кофе в м... его кружке... - чуть не случившуюся оговорку приходится спешно запивать чаем, - Майкрофт сказал, что в его кружке... Это зачем?..

Шерлок понимает, что вопрос нельзя отнести к разряду корректных, и в принципе готов к тому, что не получит ответа. Джон некоторое время молчит, не глядя на собеседника, задумчиво водит подушечкой пальца по ободку своей чашки, потом поднимает взгляд и пожимает плечами:

- Игра...

Шерлок удивленно дергает бровью, пальцы Джона напрягаются, сжимая чайную тару, но синие глаза сохраняют невозмутимое выражение.

- Он любил играть, вот и я играю... в то, что по-прежнему варю ему кофе...

Призрак былого счастья еще более сгущает атмосферу неловкости, делая ее почти невыносимой, но в этот момент дверь между коридором и кухней приоткрывается, и на пороге появляется миссис Хадсон.

Миссис Хадсон...

Кровь горячо приливает к щекам, как только Шерлок осознает, какую они с Майкрофтом допустили оплошность. Они же забыли предупредить миссис Хадсон...

Зная, что операция по ликвидации преступной сети Мориарти близка к завершению, и готовясь вновь наделить брата статусом живого человека, Майкрофт предпочел действовать постепенно. Все заинтересованные лица были ознакомлены с новым положением дел заранее, и Марту Хадсон проинформировали два дня назад.

В неведении остался только Джон...

- Тук-тук... - голос домохозяйки дрожит, она едва справляется с волнением, но все, о чем сейчас может думать детектив, это о неизбежности надвигающейся катастрофы.

- Миссис Хадсон... - недовольно начинает Джон, но договорить ему не удается.

- Я понимаю, я не вовремя, я только на минутку... - миссис Хадсон ставит на стол громоздкую сумку и начинает вынимать из ее необъятных недр продукты. - Джон, у тебя в холодильнике пусто, а здесь все, что вам может понадобиться: сыр, масло, молоко, яйца...

- Миссис Хадсон!

- Извини, Джон, я просто подумала... Вот и Шерлок очень худой...

Джон ударяет кулаками по столу с такой силой, что несчастные чашки подпрыгивают.

- Это НЕ Шерлок!!!

Ну, все...

Уставившись прямо перед собой, Шерлок прикусывает фалангу указательного пальца, лихорадочно пытаюсь просчитать наименее болезненные выходы из ситуации. Миссис Хадсон вздрагивает, в повлажневших глазах появляется жалобное выражение, тонкие брови складываются домиком.

- Конечно, дорогой... Я знаю. Не волнуйся. Майкрофт мне все рассказал...

Шерлок медленно разжимает челюсти, только сейчас понимая, что прокусил себе палец чуть ли не до крови.

- Но он так похож на нашего мальчика...

Джон закрывает глаза, тяжело дыша и все еще сжимая кулаки. В голосе миссис Хадсон появляется просительная интонация.

- Так что я буду называть его Шерлоком, ладно?..

Джон резко поднимается, с грохотом отодвигая стул, и выскакивает в коридор, не сказав более ни слова и громко хлопнув дверью. Шерлок, мелко подрагивая, подносит ко рту чашку с чаем, несколько секунд держит ее у губ, затем, так и не глотнув, ставит обратно.

Миссис Хадсон подходит ближе, коротко всхлипывает и, обхватив Шерлока обеими руками за плечи и голову, крепко прижимает его к себе...

==== Часть четвертая =====

Несколько следующих дней похожи один на другой.

Каждое утро Джон уезжает в больницу.

Лежа в постели без сна, Шерлок слышит, как поскрипывают наверху половицы, как шумит вода, пока друг принимает утренний душ. Потом шаги на лестнице и совсем близко - на кухне. Уютный запах кофе и поджаренных тостов. Следом звук хлопнувшей двери - и тишина.

Без Джона квартира кажется вымершей.

Шерлок поворачивается на бок, подтягивает колени к животу, накрывается до ушей одеялом, словно стремясь отгородиться от накатившего одиночества, и, наконец, засыпает...

...Он встает ближе к обеду, помятый и заспанный, с тяжелой головой и в дурном настроении, вяло плетется в ванную, а после на кухню. Там его ждет сваренный кофе, но этот факт вовсе не радует - заботу неизменно проявляет миссис Хадсон.

Шерлок пьет кофе и обиженно думает о том, что Джон мог бы и не ходить на работу, учитывая специфику возложенной на него Майкрофтом «миссии». Он обязан отшлифовать «образ», а вместо этого проводит большую часть дня в своей чертовой клинике.

Очевидно, что Джон попросту уваливает от ответственности. Сбегает, стараясь в обыденном

профессиональном занятии найти спасение от ожидающего его дома абсурда.

Абсурда, постепенно становящегося нормой...

*

В первый день Шерлок был даже рад остаться один.

Бродил по квартире, трогал вещи, листал книги, заглядывал в шкафчики, выдвигал ящики, смотрел в окно, сидел в своем кресле, лежал на диване. Думал. Потом осторожно поднялся по лестнице. Дверь в комнату Джона оказалась закрыта на ключ...

Тогда Шерлок спустился вниз - к миссис Хадсон.

*

- Ему было очень тяжело... - миссис Хадсон водружает на тарелку кусок тушеного мяса, пристраивает рядом горку стручковой фасоли, поливает все соусом и ставит тарелку перед Шерлоком. - Особенно в первый год...

Шерлок молча накалывает на вилку темно-зеленые трубочки и отправляет их в рот, жует, не отрывая взгляда от тарелки.

- Он даже ни разу не пришел сюда, сначала жил у Гарри, потом снял квартиру... пил... - на последнем слове миссис Хадсон отворачивается, смахивает со скатерти несуществующие крошки. - Никого не подпускал к себе. Каждый день ходил на кладбище...

Фасоль давным-давно пережевана до гомогенного состояния, но проглотить ее почему-то не получается, как Шерлок ни напрягает горло.

- Потом вдруг позвонил, сказал, что хочет снова жить здесь... - она улыбается, грустно и ласково. - Вернулся, устроился на работу, все потихоньку стало налаживаться...

Фасоль удаётся протолкнуть в пищевод. Шерлок хватает стакан с водой, чтобы запить непокорный гарнир, но давится, кашляет до посинения. Потом тяжело дышит, вытирая выступившие слезы.

Миссис Хадсон сочувственно касается его плеча.

- Понимаешь, он только-только, наконец, успокоился, смирился с твоей смертью, и тут... - оберегая его, она не заканчивает предложения.

Шерлок горько усмехается, ковыряя вилкой в тарелке.

И тут ему приспичило воскреснуть из мертвых...

*

На второй день Шерлока навестил Майкрофт.

*

- Почему ты не сказал мне, что ему было так плохо?.. - Шерлок стоит, отвернувшись к окну, старший Холмс сидит в кресле Джона.

- Разве это могло что-нибудь изменить? - тон брата бесстрастен, но детектив спиной чувствует исходящее от Майкрофта неодобрение.

Шерлок не знает, что ответить на этот вопрос.

Он действительно не знает, повел ли бы себя иначе, если бы был в курсе тяжелого состояния Джона, и это тревожит невыносимо. Майкрофт поднимается с кресла, подходит ближе.

- Послушай... - он явно пытается подобрать слова, и Шерлок ощущает что-то вроде признательности. - Ты принял решение. И это было единственно правильное решение в сложившихся тогда непростых обстоятельствах. И тот факт, что отчаяние доктора Уотсона оказалось несколько глубже, чем мы предполагали, нисколько не меняет самих обстоятельств.

- Мы могли бы сказать ему...

- Не могли! - теперь голос Майкрофта звучит жестко, отдаваясь в груди Шерлока болезненным спазмом. - Ты прекрасно знаешь, что это подставило бы под удар не только всю операцию, но и самого Джона. Мы не могли рисковать, мы не имели права рисковать, в том числе и его жизнью...

- Ты не хотел рисковать... - Шерлок стремительно оборачивается. - Потому и не рассказал мне о нем, чтобы еще больше не обострять ситуацию...

- Да, я не доверял твоему здравомыслию, - Майкрофт кривит губы, напряженно выпрямившись и опираясь на зонт. - Что, впрочем, неудивительно, учитывая твое опрометчивое появление на кладбище всего через три дня после собственных похорон!

Шерлок упрямо сдвигает брови, и старший Холмс вздыхает с демонстративной усталостью.

- Возможно, это безжалостно с моей стороны, но для меня в итоге было важнее сохранить в целостности своего брата, чем избавить от душевных страданий доктора Уотсона...

*

Желание постоянно видеть Джона настолько всеобъемлюще, что Шерлок чувствует себя связанным им по рукам и ногам.

Допив кофе, он прилежно моет чашку, ставит на полочку в шкафчик. Он вообще старается оставлять как можно меньше внешних свидетельств своего пребывания в доме, справедливо полагая, что Джона они будут только раздражать.

Время тянется тягуче и медленно, словно горячая карамель, вязкая и отвратительно клейкая. Шерлок забирается с ногами на кресло, обхватывает руками колени. Старается набраться терпения. Заставляет себя просто ждать.

Но как люди могут сидеть и просто ждать?!!

Он вскакивает, уносится в свою комнату, возвращается с телефоном. Останавливается перед камином, требовательно смотрит на свое отражение в зеркале, будто советуясь. Затем

набирает сообщение.

«Немедленно приезжай. ШХ»

Перечитывает, стирает первое слово.

«Приезжай. ШХ»

Большой палец заторможенно двигается, снова внося изменения в текст.

«Пожалуйста, приезжай. ШХ»

Смешно...

Удалить.

Джон играл в то, что по-прежнему варит для Шерлока кофе? Что ж, теперь Шерлок играет в то, что по-прежнему пишет ему SMS.

*

Через полчаса он вновь стоит перед комнатой Джона.

Спальня друга притягивает Шерлока словно магнит, и он раз за разом поднимается наверх, подобно жене Синей Бороды, не в силах противиться искушению. Запертая дверь наводит на мысль об отмычках, полный набор до сих пор хранится в ящичке письменного стола, но Холмс не решается ими воспользоваться.

Он мягко касается двери, проводит кончиками пальцев по шершавым проплешинам облупившейся краски, остро осознавая досадную бессмысленность собственных действий. Надо либо проникнуть внутрь, либо прекратить сюда приходить.

Но он не может ни того, ни другого...

*

Когда Джон, наконец, возвращается домой, Шерлок сидит в своем кресле, положив на колени ладони, словно примерный ученик, готовый к уроку.

- Привет, Ян... - спокойно произносит Джон, бросив на него короткий взгляд, и проходит на кухню. - Ты ужинал?

Шерлок отрицательно мотает головой, он не то что не ужинал, он даже не обедал, да и чашку кофе назвать завтраком можно только с натяжкой, но все это абсолютно неважно, а важно лишь то, что Джон снова рядом, и Шерлок может смотреть на него и слушать то, что он говорит.

- Для человека, изображающего Шерлока Холмса, ты удивительно немногословен, - улыбается Джон, но улыбка эта неправильная, она холодная и колкая, словно мелко раздробленный лед.

Друг выглядит уставшим, но Шерлок не ощущает сочувствия, он слишком счастлив оттого, что наступил вечер и что весь этот вечер Джон проведет с ним. Они ужинают в молчании, затем

садятся в кресла напротив друг друга.

- Чем займемся сегодня? - любопытствует Джон.

- Расскажи мне еще... - просит Шерлок. - Расскажи мне о нем...

- Мы говорим о нем уже четвертый день... Может, стоит перейти к репетициям?

- Но я должен сначала понять... - ложь дается легко, потому что по большей части является правдой.

- Как ты учился его повадкам?

Джон уводит разговор в сторону, и Шерлок недовольно встряхивает кудрями.

- По видео, само собой.

Получается резко, слишком по-шерлоковски, и детектив тревожится, поймав в глазах друга всплеск удивления.

- Похоже?.. - тут же поспешно интересуется он. - У меня получилось похоже?

- Похоже... - после недолго молчания подтверждает Джон. - Даже очень похоже.

Но в его тоне нет одобрения, наоборот, он полон угрозы, незначительной, но вполне ощутимой.

- Ты сердисься... - робко упрекает «учителя» Шерлок.

- Да, извини... - без тени раскаяния соглашается Джон. - Но для меня это... - он снова улыбается мертвой улыбкой, - ...как посягательство на святое.

- Разве он был святым? - голос Шерлока звучит еле слышно.

- Нет, не был... - Джон пожимает плечами. - Он был самым невыносимым засранцем на свете. Упрямой и самоуверенной задницей.

Честно сказать, это не совсем то, что Шерлок собирался услышать. Он слегка округляет глаза, впечатленный неожиданным «комплиментом», а Джон тем временем продолжает:

- Таким он казался большинству окружающих...

Ах, вот оно что...

- Но только не тебе... - понимающе подкидывает реплику Шерлок.

- Да, только не мне. Хотя нет. Иногда и мне тоже. Он был словно... - Джон отворачивается, морщит нос, усмехаясь пришедшему на ум сравнению, - ...радиоприемник. Если не сумеешь настроиться на нужную волну - нестерпимый скрежет и визг, но если повезет - великолепная, чудесная музыка... Мне повезло.

*

По ночам Шерлок не спит. Лежит в постели, глядя в темноту, перебирая, маркируя, оценивая, анализируя, раскладывая по полочкам полученные за день впечатления.

Радиоприемник... Детектив улыбается. Надо же было такое придумать. Впрочем, Джон никогда не был находчив в метафорах, вспомнить хотя бы его записи в блоге. Улыбка стекает с губ, смытая воспоминаниями.

Думать о прошлом слишком мучительно. Но тогда зачем он снова и снова просит друга рассказывать о своих отношениях с ним? Шерлок возится на кровати, сердито сбивая одеяло и сталкивая на пол подушки.

Потому что моральный мазохизм – это точно не то, что должно отличать человека с его уровнем интеллекта.

Потому что, слушая Джона, он испытывает странную смесь боли и наслаждения.

И значительную роль в этом наслаждении играет то сияние, которое излучают глаза Джона, когда тот повествует о Шерлоке...

*

В этот раз он неожиданно засыпает под утро. Без подушки и одеяла, неудобно запрокинув кудрявую голову.

Просыпается через пару часов, совершенно замерзший и ведомый естественной надобностью. Со стоном сползает с кровати, почти на ощупь находит дверь в ванную, заходит и...

Абсолютно голый, спиной к нему там стоит Джон и протирает волосы полотенцем.

Шерлок замирает на мгновение, уставившись на друга, пока его сознание, словно фотографический аппарат, делает моментальные снимки, а затем стремительно пятится. Но прежде чем дверь подается под его напором, Джон спускает полотенце на плечи и оборачивается.

- Тут было не заперто, – бормочет Шерлок, усилием воли удерживая взгляд на лице Джона, и буквально выпадает из ванной.

В спальне он забирается на кровать, приваливается к изголовью и крепко обнимает колени. Чертоги его разума слегка переполнены, в них теснятся изображения Джона – обнаженного, влажного, капельки воды на порозовевшей коже спины, мягкий изгиб поясницы, округлые линии ягодиц, кожа на них чуть светлее, оказавшиеся неожиданно стройными бедра...

Осторожный стук в дверь со стороны коридора* заставляет Шерлока выпрямить ноги из боязни выдать себя любимой позой. Но так еще хуже. Он торопливо поднимает с пола подушку, прижимает к животу, надежно прикрывая пах.

- Можно? – Джон уже полностью одет, заглядывает в комнату, потом неуверенно шагает внутрь. – Мне пришлось воспользоваться этой ванной, наверху сломался кран горячей воды. Извини, я действительно забыл запереться...

- Ничего страш... – Шерлок искоса взглядывает на него и вновь замирает, потому что, ярко озаряемый падающим из коридора электрическим светом, Джон улыбается – по-нормальному, правильно, и в глазах у него весело пляшут смешинки. – Что?..

- Ты... так забавно смущаешься, Ян, – Джон внезапно облизывает губы, в разы увеличивая

смятение Шерлока, и, словно опасаясь, что переступил какую-то грань, торопится пояснить: - Он никогда не смущался...

Джон уходит на работу, а Шерлок остается валяться в постели, с разбродом в мыслях, возбуждением в теле и четким ощущением, что он только что каким-то образом умудрился переиграть себя самого...

Во избежание недоразумений. Согласно планировке квартиры вход в ванную Шерлока возможен с двух сторон: из коридора между его спальней и кухней и непосредственно из спальни.

===== Часть пятая =====

- Ян, скажи: «Ты идиот!», - облокотившись на стол, Джон подпирает ладонью подбородок, в синих глазах улыбка и ожидание.

- Ты идиот... - сидя напротив него, бубнит Шерлок.

- Нет, не так. С большим презрением: «Ты идиот!»...

- Ты идиот! - повторяет детектив с требуемой интонацией.

- У тебя опять зуб болит? - невозмутимо интересуется Джон.

- Нет, - ухмыляется в ответ Шерлок.

- Тогда чего так скривился?

- Изображаю презрение.

- Плохо изображаешь. Давай еще раз.

Пару минут Холмс на разные лады склоняет сакраментальную фразу, и к концу «репетиции» Джон неудержимо хохочет, чуть ли не сваливаясь со стула.

Друг утирает выступившие от смеха слезы, а Шерлок смотрит на него и думает, как же могло так случиться, что он раньше не знал, насколько это удивительно приятно - просто заставлять Джона смеяться.

- Ладно... - откашлявшись, терпеливо предлагает тот, - давай по-другому. Понимаешь, глупость - это то, что вызывало у него... отвращение. Скажи, у тебя что-нибудь вызывает отвращение?

Сейчас, когда Джон так близко - только руку протяни, и детектив мог бы дотронуться, прикоснуться к мягкому хлопку рубашки, почувствовать через нее тепло кожи, - и смотрит на него без неприязни, с участием, почти ласково, у Шерлока решительно ничего не может вызвать отвращения. Он так и говорит:

- Нет.

- Неужели совсем ничего? - посмеивается Уотсон.

Шерлок старательно задумывается, сознание методично перебирает факты, элементы

картотеки под грифом «отвратительно», но состояние его души таково, что даже Андерсон воспринимается милейшим человеком.

- Вареный лук? - внезапно вопрошает Джон. - Вчера миссис Хадсон сварила нам луковый суп...

Воспоминания о мерзком сладковатом вкусе, наполнившем его рот с первой же ложкой классического французского блюда, тут же отражаются на лице детектива, и Джон радостно щелкает пальцами:

- Вот оно! Думай «луковый суп», а говори: «Ты идиот!»...

- Идиотский суп... - морщится Шерлок, вызывая у друга очередной приступ хохота, и, не выдержав, смеется вместе с ним...

*

В тот день, когда Шерлок застал его в ванной, Джон вернулся с работы неожиданно рано. Заслышав его шаги на лестнице, детектив поспешил укрыться в своей спальне и за весь вечер так больше из нее и не вышел.

*

- Ян?.. - Джон стучит в запертую дверь. - Ужинать будешь?..

Шерлок кутается в одеяло, ощущая во всем теле противную мелкую дрожь. Он все еще не пришел в себя после сделанного утром открытия и точно не готов смотреть другу в лицо.

- Ян? С тобой все в порядке? - в тоне Джона явно проскальзывает беспокойство, что лишь усиливает нервное состояние Шерлока. - Открой дверь...

- Я заболел! - хрипло выпаливает Холмс и тут же понимает, что это плохая идея.

- Заболел? - Джон перестает дергать ручку двери. - Что у тебя болит?

Мысли Шерлока мечутся, пытаясь выбрать часть тела, которая не потребовала бы профессионального внимания Джона, и, наконец, его осеняет:

- Зуб.

- Зуб?.. - переспрашивая, друг явно улыбается, и детектив очень четко представляет себе, как от его глаз при этом разбегаются крохотные морщинки. - Выпей таблетку, и пусть Майкрофт сведет тебя к своему стоматологу.

Джон еще некоторое время гремит посудой на кухне, а потом поднимается в свою комнату, а на следующее утро, крадучись выбравшись из спальни, Шерлок обнаруживает на кухонном столе записку: «Выходные проведу у сестры. ДУ».

*

Итак, он чувствует физическое влечение к Джону.

На то, чтобы смириться с этим фактом, Шерлок тратит два дня и две ночи. Два дня и две ночи тщательного самоанализа и многочисленных перепроверок полученных данных.

Изображения обнаженного Джона старательно маркируются и помещаются на особо секретную полку чертогов, откуда периодически достаются с целью экспериментального подтверждения результата. К концу первой ночи неизменность этого результата позволяет сделать неутешительный вывод – эрекция не была случайным, одиночным явлением, Шерлок действительно воспринимает Джона как потенциальный сексуальный объект.

Очередная трещина в основательно просевшем фундаменте его прежнего существования на целый день вводит Шерлока в ступор. Он не встает с постели, не ест и не пьет, не отвечает на звонки старшего брата и робкие увещевания квартирной хозяйки.

На вторую ночь он вдруг понимает, что упустил из виду одну очень существенную деталь. Резко садится на постели, хватает телефон, ищет в Интернете фотографии обнаженных мужчин и женщин. Пытливо рассматривает, прислушиваясь к реакциям тела.

Безрезультатно.

Он вновь откидывается на подушки и в отчаянии закрывает глаза. Похоже, его так некстати проснувшееся либидо все-таки умудрилось сосредоточиться только на одном человеке.

На Джоне.

Весь второй день уходит на то, чтобы свыкнуться с этой мыслью и решить, как вести себя дальше...

*

Джон возвращается вечером в воскресенье. Проходит в гостиную, бросает небольшую спортивную сумку рядом с диваном.

- Как зуб?

Сидящему в кресле Шерлоку достаточно одного взгляда, чтобы уловить произошедшую с ним перемену. Стали свободней движения, меньше напряжения в линии плеч, даже лицо словно разгладилось – как будто непосильный груз, который друг нес все это время, возможно, и не исчез совсем, но определенно стал значительно легче.

- Все прошло, – он прикусывает губу, потому что видеть Джона вживую и не думать о том, как он выглядит без одежды, оказывается неожиданно трудным.

- Ян... – Джон присаживается на журнальный столик. – Я тут подумал...

Шерлок Холмс обязательно бы съязвил по поводу сказанного, но Ян Сигерсон не ощущает никакого желания насмеяться.

- Ты же не виноват. Это твоя работа... – друг смотрит так, как будто все уже объяснил, и Шерлок понимает, что опала закончилась и что Яну Сигерсону больше не вменяется в вину то, что он позаимствовал на время место Шерлока Холмса...

*

Звук льющейся воды – самый возбуждающий на свете звук. Шерлок откидывает одеяло, слегка разводит колени, мягко поглаживает ладонью пах.

Наверху Джон принимает душ.

Рука ныряет под резинку штанов, обхватывает горячий, туго налившийся кровью член, ненавязчиво скользит, едва касаясь, пока еще только обещая удовольствие. Детектив запрокидывает голову, приоткрывает рот, позволяя воздуху свободно циркулировать между губами, пристально смотрит в белеющий в полумраке потолок, но видит не его, а Джона, голого и мокрого.

Брюки мешаются, и Шерлок, приподняв зад, приспускает их левой рукой.

Теперь он мастурбирует каждое утро и всегда одновременно с водными процедурами Уотсона. Предпочитая подходить к решению проблем вдумчиво и детально, детектив и к сеансам самоудовлетворения подходит так же.

Единственный сексуально окрашенный опыт общения с другом связан у него с ванной, а потому Шерлок в течение ночи гасит возбуждение усилием воли, дожидаясь того мгновения, когда Джон проснется и пойдет в душ. Мысль о том, что как раз в данный момент друг выглядит именно так, как его навсегда зафиксировало в то знаменательное утро сознание детектива, создает у Шерлока призрачное ощущение обоюдности, иллюзорной взаимности, делает его неразделенное желание менее унижительным.

И Шерлок дронит, жадно прислушиваясь к шуму воды. Он бы и сам очень хотел стать этой водою, что с силой вырывается сейчас из лейки, горячим каскадом падает на плечи Джона, лаская и раззадоривая, заставляя краснеть светлую кожу, а потом скользит вниз по спине, по бокам, добирается до ягодиц, обтекает их, слегка забираясь в ложбинку...

В его воображении Джон всегда повернут к нему спиной.

Теперь Шерлок почти зол на себя за то, что не решился оглядеть Джона спереди. Ограниченное количество данных нервирует, заставляя совершать сомнительные в своей разумности действия, вроде того, чтобы провести несколько часов, исследуя правомерность найденного в Интернете совета: «Как определить размер пениса по размеру ноги».

Джон плещется в ванной недолго, примерно десять минут, но измученному добровольным воздержанием Холмсу хватает. Под конец он лихорадочно толкается в ладонь, до боли в мышцах напрягая ноги, едва слышно постанывая сквозь стиснутые зубы, и кончает в тот миг, когда Джон выключает воду.

*

Утренний оргазм помогает держать себя в узде целый день.

Шерлок не допускает даже мысли, чтобы хоть как-то обнаружить свое влечение перед Джоном. Оно неуместно в принципе, с учетом гетеросексуальной ориентации Уотсона, и более чем опасно сейчас – когда любой неловкий жест способен разрушить установившуюся между ними хрупкую симпатию...

Их вечера теперь проходят совсем по-другому.

Джон старается вернуться с работы пораньше. Шерлок старается подготовиться к его возвращению. С помощью миссис Хадсон накрывает на стол, помогая ей принести снизу кастрюльки и сковородки. Домовладелица так рада воцарившемуся в квартире покою, что каждый раз стряпает на ужин что-то особенное, но ее крайне тревожит ложное положение Холмса.

- Шерлок, скажи ему, он поймет... - она смотрит почти умоляюще, искренне веря в возможность благополучного разрешения ситуации.

- Нет, - упрямо качает головой детектив.

Он еще не готов. Джон еще не готов. Они оба еще не готовы...

*

- У тебя отлично получается копировать жесты... - Джон домыывает последнюю тарелку и, завернув краны, оборачивается. - Но мне кажется, тебе не хватает настроения.

С настроением у Шерлока точно проблемы, особенно сейчас, когда Джон, присев на стол, скрещивает лодыжки, отчего ширинка на джинсах у него слегка оттопыривается, ненавязчиво подчеркивая то, что скрывается под ее защитой.

- В смысле? - с досадой уточняет детектив, крайне недовольный низким уровнем собственного самообладания.

- Я говорю об уверенности в себе.

В гостиной натоплено, в камине весело пляшет огонь, и Джон расстегивает рубашку, а потом и вовсе снимает ее и аккуратно вешает на спинку стула, оставаясь только в белой футболке. В горле у Шерлока пересыхает, когда его взгляд натывается на просвечивающие сквозь тонкую трикотажную ткань пятнышки сосков.

- Он был очень уверен в себе, я бы даже сказал, очень самоуверен... - Джон на секунду опускает глаза, на его лицо набегают тени, но тут же исчезают, стоит ему снова посмотреть на Шерлока. - Эта уверенность чувствовалась во всем, что бы он ни делал или говорил, в каждом движении, в каждом слове... А ты двигаешься так, словно... - он пожимает плечами, глядя на детектива с мягкой улыбкой, - ...словно боишься что-то разбить...

*

К концу недели Холмсу начинает казаться, что Джон почти совсем оттаял.

«Уроки» все больше увлекают обоих. Копируя самого себя, Шерлок тщательно дозирует похожесть и непохожесть, стараясь не переигрывать, наслаждаясь каждый раз, когда ему удается вызвать у Джона смех...

*

- Что ж, надо будет сказать миссис Хадсон, чтобы она больше не варила нам луковый суп... - отсмеявшись, Джон поднимается из-за стола. - Ян, ты не против, если мы на сегодня закончим?..

Закончим?.. Они же еще только начали...

Шерлок хмурится, ощущая, как настроение стремительно падает.

- Что-то не так?

- Нет, просто я обещал Майку Стэмфорду выбраться с ним в бар.

В бар. Навалившееся чувство обиды так похоже на то, что он испытывал прежде, когда Джона не оказывалось под рукой в тот момент, когда он был особенно нужен, что Шерлок едва удерживается от того, чтобы презрительно фыркнуть.

В бар...

Уотсон поднимается к себе, чтобы собраться, а детектив размышляет о том, что сегодня пятница, и, следовательно, бары полны ищущих развлечения женщин. Сердце тревожно сжимается, нарушая кровоснабжение кожных покровов, и Шерлок бледнеет, не справляясь с приступом ревности.

- Не скучай... - прежде чем совсем уйти, Джон заглядывает в гостиную, и его плохо выбритый подбородок слегка облегчает Холмсу душевные муки.

Джон явно не собирается заводить интрижку.

Однако все может случиться спонтанно.

Пока друг развлекается в баре, Шерлок валяется на диване и с достойным мазохиста упорством представляет, каково это будет - лежать в одиночестве в своей постели и знать, что Джон у себя с кем-то занимается сексом.

*

Джон вваливается в освещенную лишь камином гостиную ближе к полуночи. Он один и сильно не трезв.

- Твою мать! - наткнувшись в полумраке на журнальный столик, Уотсон сердито шипит, отпихивает ногой провинившуюся мебель и неловко наклоняется, потирая ушибленную лодыжку. - Ты почему еще не спишь?

Шерлок не отвечает, потому что сначала слишком занят считыванием Джона в поисках доказательств «особенно» хорошо проведенного времени, а потом потому, что склонившийся в три погибели Джон внезапно теряет равновесие и плюхается на диван.

Детектив едва успевает подвинуться, уберегая живот от раздавливания, и тут же застывает, потому что поясница друга сейчас тесно прижата к его боку, и это их первый физический контакт с тех пор, как Шерлок вернулся.

Джон смотрит на танцующее пламя, и он так близко, что дыхание Холмса неминуемо сбивается, и ему остается лишь надеяться, что в том состоянии, в котором находится Уотсон, тот ничего не заметит.

Они оба молчат. И эта пауза так невыносима, что Шерлок уже готов вскочить и спастись бегством, но тут Джон внезапно оборачивается и берет его за руки. Чертоги разума мгновенно

окутывает туман, глазам становится горячо, а тело немеет.

Задумчиво улыбаясь, Джон складывает покорные ладони Шерлока вместе, прижимая их ребром к его груди, стискивает своими ладонями. Потом робко тянется к лицу, костяшки пальцев с нежностью скользят от скулы к подбородку.

- Так похож... Так похож... - шепчет он, продолжая поглаживать Шерлоку щеку.

Детективу кажется, что он сейчас умрет, и, наверное, поэтому он пропускает тот миг, когда губы Джона оказываются слишком близко от его собственных. Секунда, и их губы соединяются, а мир вокруг проваливается в тартарары, еще секунда - и Джон резко отстраняется, вскакивает с дивана, вновь наталкиваясь на многострадальный столик.

- Черт! Черт! - его трясет так, что Шерлок ощущает вибрации в воздухе. - Господи... - вцепившись обеими руками в волосы, он сгибается, словно пронзенный мучительной болью. - Прости меня, прости... Я не имел права... Что я наделал... Господи, какой же я идиот... Черт!!!

И Джон стремительно выбегает из комнаты, оставив Шерлока окончательно потерявшимся в затянутых непроглядным туманом чертогах...

===== Часть шестая =====

На следующий день Джон так долго не выходит из спальни, что Шерлок, словно запертый в бутылке джинн, успевает пережить несколько разнообразных периодов ожидания.

*

Фундамент прежнего существования бесповоротно разрушен, и, неловко балансируя на его живописных развалинах, детектив всю ночь занимается тем, что выводит над входом в чертоги яркую надпись: «Шерлок Холмс - самый идиотский идиот из всех идиотов».

Туман, застилавший сознание, постепенно рассеивается, и то, что еще сутки назад воспринималось совершенно невыносимым, теперь раздирает разум Холмса своей очевидностью. «Музей», фотография, идеализация, яростное неприятие «двойника», даже плохо выбритый подбородок доктора Уотсона - каждый факт находит свое место в системе, пазлы легко соединяются, складываясь в картинку, и при взгляде на нее Шерлоку становится так сладко и так страшно, что он едва может поверить в то, что видит.

Его картотека под названием «Джон Уотсон» определенно пополнилась новыми данными, в том числе и физиологического свойства, но позволить себе думать об этом сейчас означает лишиться остатков самообладания и здравомыслия. И Холмс изо всех сил старается задвинуть в дальний угол чертогов воспоминание о том, как целую тысячу миллисекунд рот Джона прижимался к его рту. О запахе кожи Джона и вкусе его губ.

Мягких, робких, слегка обветренных губ...

Шерлок вскакивает с кровати, мечется по спальне, едва сдерживая желание побиться головой об стену.

Дурак! Дурак! Слепой идиот!!!

Он распахивает окно, рискуя простудиться, жадно вдыхает стылый ночной воздух, старается

успокоиться. Ему необходимо успокоиться, ему необходимо понять, когда именно он ошибся, умудрился проглядеть самое главное: после того, как вернулся, или же раньше, еще тогда – три года назад...

Потому что если он ошибся три года назад...

Детектив со стоном сползает на пол, приваливается к стене под окном, обхватывает себя за плечи, ощущая, что готов буквально взорваться от переполняющих его мыслей и чувств.

«Отчаяние доктора Уотсона оказалось несколько глубже, чем мы предполагали...»

Отчаяние человека, потерявшего не просто друга.

*

Не может быть.

Шерлок упрямо мотает головой, опираясь руками на раковину и глядя на свое отражение в зеркале. С кудрявых волос стекает вода – в попытке вернуть себе трезвость мышления он подставил голову под ледяную струю.

Не может быть, чтобы Джон был влюблен в него раньше, наверняка горе сыграло с ним злую шутку, трансформировав дружескую привязанность в новое чувство.

Иначе как же все эти женщины?..

Мысль о былых романтических увлечениях Уотсона острой спицей покалывает сердце, но Шерлок заставляет себя думать о прошлом, ища подтверждение своим выводам. Естественно, он не может вспомнить имен, но это неважно, а важно лишь то, что, за исключением первого разговора у Анджело, Джон ни разу не дал Шерлоку повода усомниться в невинности своей дружбы.

Детектив морщится – неуверенность, словно электрический импульс, болезненно раздражает нервные окончания.

Нет, конечно, ничего раньше не было. Если бы что-то было, он бы обязательно это заметил.

Неужели?.. – внутренний голос почему-то оказывается возмутительно похожим на голос старшего брата. – То-то ты сейчас заметил, только когда он тебя поцеловал...

Поцеловал...

Шерлок торопливо откручивает кран, вновь испытывая настоящую потребность остыть.

...Спустя десять минут он, понурившись, сидит на постели, накинув на мокрую голову полотенце. Теперь ему холодно, а ситуация высвечивается перед ним во всей своей безжалостной двойственности.

Джон Уотсон влюблен в Шерлока Холмса.

Но Шерлока Холмса нет. Вместо него есть Ян Сигерсон.

Ян Сигерсон, влюбленный в Джона Уотсона.

*

Джон появляется в гостиной только к обеду.

С раннего утра Шерлок нервничает, раздираемый противоречиями, в смятении прислушивается к звукам на лестнице, отчаянно желая услышать шаги и так же отчаянно страшась их услышать.

Поначалу он решает, что для них обоих будет лучше, если Джон весь день проведет в своей комнате, но даже если тот поступит иначе, то Холмс уж точно сегодня не покинет своей.

Но время идет, раннее утро мало-помалу превращается в позднее, наверху по-прежнему тихо, и чаши весов в душе детектива начинают менять свое положение. К полудню жажда увидеть Джона усиливается настолько, что Шерлок предпринимает отчаянную вылазку в кухню.

Он кружит вокруг стола, кипятит чайник, громко хлопает дверцами шкафчиков, как будто привычные звуки могут заставить друга спуститься, и тут же испуганно замирает, склонный в любой момент сбежать к себе в спальню – потому что все так же растерян и не готов к диалогу.

Чайник успевает вскипеть десять раз, Шерлок дважды наливает в него воду, а Джон упорно не подает признаков жизни. И тогда детектива охватывает беспокойство.

С Джоном могло что-то случиться. Что угодно. Например, сердечный приступ.

Чушь. Ерунда.

Но тревога вмиг пускает длинные корни, разрастаясь чуть ли в панику, ни на йоту не уступая вполне логичному доводу рассудка – Джон не спускается потому, что не хочет.

Шерлок смелеет до такой степени, что выходит на лестницу, ждет, глядя вверх, а потом все-таки поднимается к заветной двери и сразу же сбегает по ступеням обратно, уstraшенный мыслью, что Джон может неожиданно застать его там.

Еще через час он сидит за столом в гостиной, сложив ладони и прижав их к губам, готовый ко всему, к любому варианту развития событий, пусть только Джон, наконец, выйдет из спальни...

*

- Нам надо поговорить...

Шерлок не находит в себе сил ответить, лишь кивает, из-под спадающих на лоб кудрей глядя на друга. Тот стоит у стола, обеими руками вцепившись в спинку стула, голос звучит глухо, а голова опущена так низко, что сидящему напротив детективу почти не видно лица.

- Вчера произошло то, чего не должно было произойти ни при каких обстоятельствах.

Ощущение безнадежности тем более тягостно, что Шерлок теперь на собственном опыте знает, чего именно будет лишен. Он чувствует себя узником, которого по ошибке выпустили на свободу и тут же снова упрятали в камеру, с лязгом и грохотом захлопнув массивную дверь.

- Я повел себя недостойно, и причина моего поведения касается только меня, - Джон приподнимает голову - измученный, но, тем не менее, твердый взгляд на мгновение упирается в лицо детективу и тут же снова соскальзывает вниз. - В свое время я сделал все, чтобы это никак не коснулось Шерлока, и сейчас это тем более не касается... тебя.

Он не спал всю ночь... - думает Холмс, стараясь не сосредотачиваться на том, что от признаний доктора Уотсона его бросает то в жар, то в холод. - У него покраснели глаза, болезненно припухли веки, а морщин стало в два раза больше. Он не спал всю ночь.

- Еще раз прошу меня простить и буду тебе очень признателен, если мы больше никогда не станем возвращаться к этому... инциденту.

Я бы никогда ничего не узнал... - сознание детектива, словно крючком, зацепляется за горькую, но при этом странно обнадеживающую мысль, - я бы никогда ничего не узнал, если бы не...

- Ян?..

Шерлок вздрагивает и понимает, что Джон ждет ответа.

- Да, конечно... - торопливо соглашается он, все еще во власти собственных раздумий.

Уотсон резко вскидывает глаза, смотрит пристально, словно ожидая чего-то еще, потом тяжело вздыхает:

- Ок. Спасибо.

*

- Что между вами произошло?.. - миссис Хадсон суетится, вытирая в гостиной пыль. - Он снова тебя избегает...

Ей неловко проявлять любопытство, но атмосфера отчужденности, вновь водворившаяся на Бейкер-стрит, приводит бедную женщину в отчаяние. Шерлок сидит молча, с ногами забравшись в кресло. Ему нечем помочь миссис Хадсон, кроме как вместо нее заняться уборкой, что он, поразмыслив, и делает.

Детектив безмолвно и старательно протирает полку за полкой до тех пор, пока расстроенная домохозяйка, наконец, не оставляет его в одиночестве. Тогда он роняет тряпку на пол и вновь забирается в кресло.

Джон не разговаривает с ним уже почти неделю.

*

«Уроков» больше нет.

Вернувшись с работы, Уотсон сразу поднимается в свою спальню, не появляясь внизу даже на ужин. Шерлок не представляет, сколько это еще может продолжаться - жизнь напоминает колесо забуксовавшей машины: вроде и крутится, да только без толку.

Предоставленный самому себе, он целыми днями неприкаянно бродит по квартире:

раздумывая и вспоминая, оценивая и переживая, иногда впадая в безудержное ликование, иногда мучаясь совестью, а иногда застывая от обиды.

Джон любит его.

Он любил его прежде.

Шерлок чувствует себя одураченным. Он обижен, но никак не может понять почему: то ли потому, что друг оказался слишком искусным обманщиком, скрывая свою любовь, то ли потому, что тот вообще счел нужным ее скрывать.

Дилемма «признаться или не признаться» теперь стоит перед Холмсом острее, чем «быть или не быть» перед Гамлетом, и Шерлок мается, разговаривая сам с собой, с досадой размахивает руками, поминая Датское королевство, бормочет под нос, то ли уверяя себя в чем-то, то ли наоборот – разубеждая.

И окончательно приводит в замешательство миссис Хадсон.

*

Вечером в пятницу ему звонит Майкрофт.

- Завтра ты нужен мне для опознания и дачи показаний.

Шерлок уже настолько привык жить тем, что происходит у него внутри, что напоминание о существовании внешних событий воспринимается почти откровением.

- Ты должен приехать в участок. Я договорился с Лестрейдом.

- Завтра суббота. Джон не работает. Как я ему объясню?..

- Шерлок... - в голосе Майкрофта как будто рассыпаны металлические стружки и слегка колются, несмотря на общую мягкость тона. - Давно пора прекратить этот фарс и заняться делом.

- Хорошо, я что-нибудь придумаю, - детектив нажимает отбой, не давая себе возможности огрызнуться.

В общем-то, нет никакой нужды чего-либо придумывать, Джон наверняка проведет весь день у себя в комнате, ...если вообще останется дома, но Шерлок решает, что, безусловно, обязан его предупредить.

Прямо сейчас.

Предательская дрожь рождается в животе, грозя распространиться по всему телу, пока детектив выбирает рубашку. Одевшись, он долго причесывается, прорываясь расческой сквозь спутанные кудри, придиричиво рассматривает себя в зеркале, а потом одним движением вновь разлохмачивает приглаженные вихры.

Поднимаясь по лестнице, он слегка задыхается, перед дверью в комнату Джона одышка усиливается, явно создавая угрозу для жизни, но Шерлок все же поднимает судорожно сжатый кулак и стучит.

- Что случилось?.. - если Джон и удивлен внезапному появлению Яна Сигерсона при полном параде, то никак этого не показывает - голос доктора звучит бесстрастно, в синих глазах плещется Северный Ледовитый океан.

На Уотсоне футболка и полосатые пижамные брюки, за спиной в проеме двери виднеется разобранная постель, и всего этого оказывается достаточно, чтобы у Шерлока совсем ослабли колени.

- Звонил мистер Холмс.

Черт, как же трудно дышать.

- И?..

- Он хочет устроить проверку. Завтра я должен поехать в участок...

Джон слегка приподнимает левую бровь.

- Майкрофт хочет проверить, насколько ты готов обмануть окружающих?.. - он холодно усмехается, оглядывая Шерлока с головы до пят. - Что ж, на мой взгляд, ты вполне готов. Я уверен, у тебя все получится...

Доктор Уотсон захлопывает дверь, Холмс на подгибающихся ногах спускается к себе и валится ничком на кровать.

*

Пожалуй, он даже рад увидеть Андерсона и Салли, не говоря уже о Лестрейде, - все-таки возможность побыть собой.

Детектив грустно улыбается, надевая пальто, затем накидывает на шею и затягивает петлей новый шарф - подарок миссис Хадсон - и достает из карманов перчатки. Он почти уже покидает квартиру, когда по лестнице неожиданно сбегает Джон.

- Поедем вместе.

Глупое счастье сдавливает горло.

Шерлок забывает, что только что радовался возможности не притворяться, и абсолютно не желает думать о том, какие сложности ему сулит совместная поездка с другом. Уотсон берет с вешалки куртку, подходит ближе, спокойно смотрит снизу вверх.

- Эта проверка касается и меня, ведь я несу ответственность за твою готовность, - он ни на секунду не отводит взгляда. - Хочу быть рядом.

===== Часть седьмая =====

В такси Джон, отвернувшись, прилежно смотрит в окно, а Шерлок доблестно сражается с собственным взглядом, который так и норовит приклеиться к другу.

Они сидят по разные стороны сиденья - так, как сидели вместе в кэбе далеко не одну сотню раз, но никогда ранее детектив так остро не чувствовал разделяющее их расстояние. Желание придвинуться ближе зашкаливает, и он крепко хватается за ручку у двери, словно в попытке

удержаться на месте.

Уотсон упорно не поворачивает головы и молчит, руки сцеплены в замок на коленях, но в какой-то момент на очередном повороте он опирается ладонью на сиденье, стремясь сохранить равновесие, и... оставляет руку в таком положении.

Совсем близко от Шерлока.

Сердце детектива на миг замирает, а потом пускается вскачь неровным галопом.

Прикоснуться. Так хочется прикоснуться.

Холмс зажмуривается, с тоской думая о тех временах, когда он не видел никакой проблемы в том, чтобы дотронуться до соседа по квартире, когда все было легко и просто и в прикосновениях не было никакого подтекста.

Для него не было.

Он не выдерживает, вздыхает, возится, поправляя пальто, и скользящим, будто бы случайным жестом задевает руку Уотсона тыльной стороной ладони. Ощущение теплой кожи действует, как удар тока, отдаваясь прямоком в пах, вынуждая сдвинуть колени, а потом и вовсе закинуть ногу на ногу. Шерлок тоже отворачивается к окну, скрывая слегка порозовевшие щеки, но все же успевает заметить, как Джон, по-прежнему не глядя на него, кладет руку обратно к себе на бедро и накрывает место прикосновения ладонью...

*

- Джон, - перед полицейским участком Холмс останавливается, стремительно развернувшись к следующему за ним по пятам доктору Уотсону.

В глазах друга на миг ярко вспыхивает боль, и Шерлок понимает, что опять оказался слишком похожим на себя самого. Он запускает пятерню в кудри, с силой дергает, словно наказывая за потерю контроля.

- В чем дело?.. - Джон тянет его за рукав, заставляя опустить руку. - Ты нервничаешь?..

- Да, - это безусловная истина, детектив нервничает, потому что плохо представляет, как вести себя с Джоном там, где все знают, что он это он. - Послушай, ты же понимаешь, что тебе придется называть меня... Шерлоком?

- Считаешь меня идиотом?.. - губы Уотсона изгибаются в слабой, но все же улыбке. - Я смотрю, ты окончательно вошел в роль...

В обращенном на Шерлока синем взгляде вновь появляется странное ожидание, как и тогда, когда Джон просил его забыть о поцелуе в гостиной, и тут же меркнет, сменяясь обреченностью и... лаской.

- Не волнуйся, у тебя все получится, - тихо и успокаивающе произносит Джон и легонько подталкивает детектива по направлению к входной двери. - Иди уже... Шерлок.

*

- Ты должен был меня предупредить, - шипит Майкрофт, умудряясь при этом любезно улыбаться.

- У меня не было возможности, - рассеянно отвечает Холмс, с тревогой наблюдая за другом сквозь стеклянную перегородку.

Джон в кабинете Лестрейда разговаривает с инспектором, и детектив бы дорого дал, чтобы узнать, о чем именно идет речь. Он внимательно разглядывает лицо Уотсона, убеждаясь, что разговор, по крайней мере, не вызывает у того особенно неприятных эмоций.

- О чем ты только думал? Зачем ты его вообще сюда притащил, если до сих пор не признался? В какое положение ты меня ставишь?.. - Майкрофт отчитывает его, будто мальчишку.

Шерлок уже готов вспылить, но тут Джон оборачивается, и под его пристальным взглядом детектив не позволяет себе выпасть из роли - Ян Сигерсон не вправе дерзить работодателю.

- Он сам так решил...

- Все в порядке?.. - Джон выходит из кабинета, протягивает руку Майкрофту. - Мистер Холмс?..

- Здравствуйте, Джон, - Майкрофт отвечает на рукопожатие. - Я очень рад, что вы с... кхм...

- Яном?.. - невозмутимо подсказывает Уотсон.

- Да, с Яном, - Холмс-старший красноречиво поглядывает на брата, - все-таки нашли общий язык. Должен сказать, результат вашей совместной работы меня вполне устраивает, и я обязан продемонстрировать его еще кое-кому. Но вам придется дождаться нас здесь. Уровень секретности, знаете ли.

- Один вопрос, Майкрофт... - голос Джона звучит ровно, но между бровей залегает глубокая складка. - Насколько я понял, здесь все уверены, что он...

- Настоящий?.. - на гладко выбритой физиономии старшего брата проступает вежливое сочувствие, и у младшего Холмса начинают зудеть кулаки. - Да, Джон, здесь все уверены именно в этом... Вынужденная мера. Государственная необходимость.

- Конечно, - Джон кивает, опуская глаза.

*

- Ты ведешь себя безответственно! - Майкрофт рассержен настолько, что позволяет себе ухватить Шерлока за запястье, не давая сорваться с места. - Ты даже не смотрел, что подписывал!

- Уверен, ты сам все хорошенько проверил, - детектив выдергивает руку из цепких, холодных пальцев.

Он действительно не отнесся к своим обязанностям свидетеля с надлежащим вниманием, будучи полностью сосредоточен на мыслях о Джоне и страстно желая быстрее разобраться с официальной частью визита в полицию. Друг, оставшийся без присмотра в отделе Лестрейда, вызывал беспокойство, и не только из-за опасности неожиданного «прозрения», - Холмс понимал, насколько нелегко должны даваться Уотсону разговоры о его «воскрешении».

- Я не узнаю тебя, Шерлок... - в голосе брата усталость, гнев и досада. - Работа всегда была для тебя на первом месте.

- Людям свойственно меняться, - саркастически изрекает детектив, он тоже раздражен и весьма далек от того, чтобы в чем-то оправдываться. - И чем ты недоволен? Мой характер тебе никогда не нравился...

- Да, не нравился... - серьезно соглашается Майкрофт, игнорируя колкость. - Но все же не настолько, чтобы я мог радоваться, глядя, как Шерлок Холмс постепенно превращается в Яна Сигерсона...

*

- Хэлло, фрик, - Донован рассматривает его с неприкрытым любопытством. - Не ожидала, что снова тебя увижу.

Шерлок мог бы с этим поспорить, учитывая, что она специально приехала в участок в свой выходной день, но он благоразумно ограничивается иронично-сдержанным:

- И я рад тебя видеть, Салли...

Она совсем не изменилась, только волосы подстрижены короче, и ему хватает пары мимолетных взглядов на нее и на развалившегося на стуле Андерсона, чтобы понять, что служебный роман по-прежнему актуален. Присутствие старых недругов не удивляет, но нервирует, заставляя держаться с повышенной осмотрительностью.

- Все в порядке?... - Грег поднимается из-за стола навстречу вошедшим в кабинет братьям Холмс. - Как прошло опоз...

- Нормально, - поспешно прерывает его Майкрофт и, натянуто улыбаясь, понижает голос: - Здесь посторонние...

- Что? Ах, ну да... - Лестрейд виновато косится на явившихся поглазеть на воскресшего детектива подчиненных.

Шерлок забирает с вешалки шарф и пальто, подходит к одиноко стоящему в стороне от основной компании Уотсону.

- Мы можем ехать...

И тут Салли снова открывает рот:

- Странная история все-таки с тобой приключилась...

- Да, - Шерлок весь поджмается, готовый душу продать, лишь бы только Донован онемела. - Пойдем, Джон...

- Не обессудь, но мы были абсолютно уверены, что ты - фейк, а эта твоя дедукция - просто умелый фокус...

Ее тон омерзительно самоуверен, и уже взявшийся за дверную ручку Уотсон замирает, потом медленно оборачивается, но смотрит не на Салли, а на Шерлока, и тот мог бы поклясться, что смотрит с ожиданием и надеждой. Шерлок в недоумении сдвигает брови, но в тот же миг его

осеняет – черт, конечно, это же очевидно: Джон хочет, чтобы Ян продемонстрировал свое актерское мастерство.

Его самого нисколько не трогают жалкие инсинуации Донован, все, что ему сейчас нужно – скорее увезти Джона домой, но мысль о том, что надежда в глазах друга может смениться разочарованием – невыносима.

– Ой, Салли, – он чуть склоняет голову набок, придавая лицу комически встревоженное выражение, – надеюсь, я не слишком задел твое самолюбие тем, что остался в живых...

– Я... – щеки сержанта Донован вспыхивают румянцем. – Зачем ты?.. Я вовсе не против... – и она растерянно замолкает.

– Неужели?.. – мило улыбается Шерлок.

Джон тоже улыбается, и детектива переполняет гордость.

– Я хотела сказать... – Салли упрямо не желает сдаваться, – хотела сказать, что действительно рада тому, что для тебя все закончилось благополучно, но ты сам виноват в том, что случилось, не стоило быть таким заносчивым, и я надеюсь, что этот урок послужит тебе на пользу...

На этот раз ее самодовольство действует на него, как удар хлыста.

– Знаешь, надеяться на это так же глупо, как верить заверениям женатого любовника, что он обязательно уйдет от жены!

– А?..

Она ошеломленно оглядывается на Андерсона, у того на физиономии тупое недоумение, и Шерлок понимает, что не промахнулся. Это раздражает его еще больше, тем более что у него есть еще кое-что в рукаве – спасибо маленькому листочку бумаги, что торчит сейчас из заднего кармана брюк злополучного эксперта. Детектив набирает полную грудь воздуха, готовясь к последнему убийственному выпадку, да так и остается стоять, забыв выдохнуть из-за охватившего его ужаса.

Что.

Он.

Делает.

Идиот...

Он забылся. Безобразно увлекся в идиотском порыве отомстить. Почти выдал себя. Чуть было все не испортил.

Или... уже испортил?..

– Эй, ты язык проглотил?.. – ехидно интересуется Донован, вновь преисполняясь уверенности в себе.

Звуки доносятся до Шерлока словно сквозь толстый слой ваты, желудок скрутило, и детектив по-прежнему не может толком вздохнуть, не может посмотреть на Джона, а потому ловит взгляд Майкрофта, чувствуя себя совершенно беспомощным. Холмс-старший осуждающе

качает головой, он однозначно предпочел бы не вмешиваться, но игнорировать ситуацию больше не получается.

Однако Майкрофт ничего не успевает сказать.

- Избавь нас от своих комментариев, Салли, - Уотсон говорит негромко, и его тон нельзя назвать угрожающим, но у Шерлока мгновенно возникает ассоциация с тихим щелчком затвора. - Будет достаточно, если ты извинишься.

*

Джон привычным движением вешает на крючок куртку, проходит дальше по коридору и, привалившись спиной к стене, ухмыляется. Шерлок останавливается напротив, он все еще выбит из колеи - как перенесенным в полицейском участке приступом паники, так и неожиданным заступничеством друга.

- Что?..

- Физиономия Донован... - расплываясь в полноценной улыбке, информирует Джон. - Когда она извинялась...

Он улыбается так заразительно, что Шерлок не может не улыбнуться в ответ.

- Словно уксус пила да лимоном закусывала...

Поморщившись, они одновременно передергиваются и смеются.

- А ты заметил, с каким пристальным вниманием Андерсон разглядывал собственные ботинки?.. - хихикает Уотсон.

- Наверное, перепутал их с местом преступления, - фыркает детектив.

Джон хохочет, его глаза сияют, от них веселыми лучиками разбегаются морщинки, и замороженный этой восхитительной картиной Холмс совершает необдуманный поступок - внезапно шагает к другу и, вцепившись в подрагивающие от смеха плечи, прикивает губами к губам.

Уотсон застывает. Шерлок тоже, атакованный поступающими от сотен рецепторов чувственными данными: запах, вкус, текстура кожи, под пальцами - крупная вязка теплого свитера. Через пару мгновений детектив резко, словно обжегшись, отстраняется, в испуге смотрит на Джона. Тот бледен почти до синевы, кажется, что он даже не дышит, взгляд устремлен в пол, руки безвольно повисли вдоль тела.

- Джон... - жалобно просит Шерлок и тут же бегом устремляется вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Врывается в гостиную, скидывает на пол пальто, мечется, мучается, словно раненое, умирающее животное, не знающее, в какой угол забиться, и в итоге забивается между своим креслом и камином, прячется, съежившись, крепко обняв колени и уткнувшись в них лбом...

...Джон опускается рядом, легким прикосновением к плечу заставляет поднять голову. Его подбородок дрожит, в глазах странное, отчаянное, умоляющее выражение.

- Я никогда бы не позволил себе ничего подобного с ним.

Шерлок не реагирует, и, облизнув губы, Джон снова повторяет, словно пытаясь донести что-то важное:

- Я никогда бы не позволил себе ничего подобного с ним. Понимаешь?..

Что бы там ни хотел сказать друг, все, что детектив сейчас способен понять - это то, что он сам стоит у себя на пути. Голова кружится, и он на несколько секунд обессиленно прикрывает глаза, а затем, заглядывая Джону в лицо, лихорадочно и жарко шепчет:

- Но я - не он, я - не он...

Уотсон вздрагивает, отшатывается, глядя на него чуть ли не с ужасом, но Шерлок проявляет настойчивость - придвигается ближе, робко дотрагивается до рук, гладит запястья, вызывая судорожные вздохи. Его ладони смелеют, перебираются на предплечья, скользят выше, снова сжимают плечи.

Шерлок опрокидывается на ковер, тянет Джона на себя, уговаривает, повторяя, будто заклятие:

- Я - не он, я - не он...

И Джон сдается.

==== Часть восьмая =====

Словно неистовый порыв ветра настезь распахивает окна чертогов, разбитые стекла с диким звоном осыпаются на пол, буйный, шалый, благоухающий вихрь врывается внутрь, кружит голову, беспощадно путая мысли, и Шерлоку кажется, что он парит, подхваченный мощным воздушным потоком.

Переступив черту, Джон набрасывается на него, как одержимый, целуя со всей жадностью до смерти изголодавшегося, его губы и руки ненасытны, и ничего более великолепного с Шерлоком еще не случилось. Его собственной активности хватает лишь на то, чтобы стянуть с Уотсона свитер, и затем детектив попросту лежит на ковре, замерев, судорожно вцепившись в рубашку на спине друга.

Тот разрывает поцелуй, но не отстраняется, смотрит с опьяняющей нежностью, кончики пальцев скользят, снова и снова очерчивая контуры лица, касаются бровей, скул, губ, подбородка.

Шерлок улыбается в ответ, улыбка - робкая, дрожащая, жалобная, и Джон вновь завладевает его ртом, и язык доктора Уотсона - фактор, что грозит ввергнуть чертоги в окончательный хаос. Детектив, наконец, оживает, отвечая на поцелуй не менее пылко, его руки поглаживают спину Джона, тянут из-за пояса брюк рубашку, забираются под футболку.

Прикосновение ладоней к обнаженной коже заставляет сдавленно ахнуть обоих.

- Боже... - едва слышно стонет Джон, уткнувшись лицом Шерлоку в шею.

Холмс с силой прижимает его к себе, сходя с ума от желания ощутить каждый дюйм тела, уничтожить даже намек на расстояние между ними. Член Уотсона настойчиво упирается

Шерлоку в живот, и существование одежды вдруг воспринимается детективом как страшнейшее проклятие на свете.

Он размыкает объятие, слегка отталкивает Джона, тот вздрагивает, приподнимается, в глазах отчетливо читаются испуг и отчаяние. Холмс поспешно льнет губами к губам, бормочет:

- Все хорошо, все хорошо...

Неловкими движениями он стаскивает с себя пиджак, ни на секунду не разрывая зрительного контакта, готовый поймать и нейтрализовать любой, даже самый маленький приступ сомнения. Но, единожды решившись, Джон, похоже, намерен идти до конца. Несколько мгновений они лихорадочно сражаются с пуговицами, тянут рубашки с плеч, высвобождаясь из рукавов. Уотсон сдергивает через голову футболку и буквально валится на Шерлока, вновь опрокидывая того на ковер.

Новый поцелуй глубок и бесконечен, от нехватки кислорода у Холмса начинает звенеть в ушах, и он разрывается между всепоглощающей потребностью окончательно отдаться на волю подхватившему его безумному вихрю и желанием контролировать ситуацию, чтобы ни секундочки не упустить из происходящего, запомнить каждое прикосновение, каждый стон, каждый вздох.

Уотсон спускается ниже, покрывая грудь и живот детектива бешеными поцелуями, дрожащие пальцы смыкаются на поясе брюк. Шерлок чуть ли не всхлипывает от нетерпения, от необходимости освободиться, избавиться от преград. Горячее напряжение в паху невыносимо, и когда ненавистные предметы одежды в итоге оказываются сдернутыми до колен, детектив инстинктивно вскидывает бедра вверх, подставляясь под губы и руки любовника.

Джон берет его в рот сразу, крепко сжимая ладонями бока, сосет резко, почти грубо, и Шерлок вскрикивает, выгибаясь, упираясь в пол локтями и затылком. Острота ощущений не оставляет ни малейшего шанса на то, чтобы продлить наслаждение, но как ни соблазнительна перспектива кончить вот так - утонув в гостеприимной, влажной, обжигающей глубине, Холмсу сейчас этого мало.

Детектив со стоном подается назад, его член выскальзывает изо рта Джона. Тот поднимает голову, лицо искажено страстью, потемневший взгляд непривычно тяжел, приоткрытые губы блестят от слюны, и у Шерлока внезапно мелькает странная, беспокойная мысль, что перед ним - незнакомец. Он хватается друга за ремень, вынуждая придвинуться. Уотсон загнанно, прерывисто дышит, пока Шерлок расправляется с застежками, торопливо стягивает с него брюки и трусы.

Во рту у Холмса пересыхает, и, замороженный, он никак не может отвести взгляд от предмета своего многодневного, мучительного любопытства, впитывая каждый нюанс: форму, длину, объем, оттенки кожи...

- Ты... будешь смотреть?.. - Джон силится улыбнуться.

Страдание в его голосе возвращает детектива в реальность, он рывком роняет Уотсона на себя, их члены соприкасаются, и взрыв удовольствия ударяет по нервам, почти сводя на нет способность к мыслительной деятельности.

Шерлок совершенно перестает сдерживаться, извивается под Джоном, прижимая его к себе теснее, трется, задыхаясь, изнемогая от нарастающего в теле томящего жара. Им обоим хватается десятка лихорадочных, скользких движений, чтобы бушующее внутри пламя

вырвалось наружу – Шерлок кончает всего на несколько секунд раньше Джона, с хриплым, отчаянным, болезненным вскриком, зажмурившись и запрокинув голову.

Разум включается по мере того, как спадает судорожное напряжение в мышцах, и детектив внезапно осознает, что Джон, прикинув лбом к его плечу и содрогаясь от накатывающих одна за другой волн оргазма, тихо, но, тем не менее, отчетливо шепчет:

- Шерлок, Шерлок, Шерлок...

*

Он безошибочно считывает вину в каждом движении Джона.

Вновь облачившись в белье и брюки, но по-прежнему с голым торсом, Шерлок сидит на полу, привалившись спиной к своему креслу, и смотрит, как друг старательно застегивает рубашку, не отрывая взгляда от собственных пальцев.

- Джон...

Тот наклоняется, поднимая скомканный свитер, расправляет, аккуратно складывает, оглядывается с потерянным видом, кладет свитер на журнальный столик и снова наклоняется – на этот раз за рубашкой и пиджаком Шерлока.

- Джон... – тон детектива мягок и ненастойчив, слишком велик страх потерять только что обретенное.

Уотсон застывает, чуть склонив голову к плечу, хмурясь и все так же не глядя на Холмса.

- Я...

- Я понимаю, – быстро говорит Шерлок.

Его самого все еще слегка потряхивает от царящего в мыслях сумбура, эмоции с трудом поддаются контролю, но самое главное сейчас – избавить друга от бессмысленных извинений, не дать ему замкнуться под гнетом чувства вины, не позволить голосу его совести воспрепятствовать отношениям между ними.

- Я понимаю, – снова повторяет детектив, стараясь максимально передать интонацией бесспорную готовность Яна Сигерсона принять обстоятельства такими, какие они есть, и, неудовлетворенный убедительностью своих слов, добавляет абсолютную, неподвластную никаким условиям правду: – Я хочу быть с тобой, Джон. Я хочу быть с тобой, кем бы я для тебя ни был.

Джон устремляет на него настороженный, неуверенный и вопросительный взгляд, прикусывает губы, словно пытаясь скрыть затаившуюся в их изгибе горечь, затем подходит ближе и приседает на корточки, заглядывая детективу в глаза.

- Прости меня, – устало произносит он, и Шерлок покрывается мурашками от ясно звучащей в тоне друга безнадежности. – Прости меня, но я должен подумать.

*

Остаток вечера Холмс проводит наедине со своими тревогами, нервно меряя шагами гостиную и периодически впадая в затаенное оцепенение, уставившись на ковер. К ночи ему удается навести относительный порядок в чертогах, и детектив серьезно озадачивается вопросом, как сделать так, чтобы близость с Джоном не оказывала на его разум столь одурманивающего воздействия.

Мысли, что близость может и не повториться, Шерлок решительно не допускает.

*

Как ни странно, но он проваливается в сон, едва донеся голову до подушки, и просыпается в неожиданно позитивном настроении. Потягивается, жмурится, будто кот, сквозь ресницы поглядывая на струящийся в окно солнечный свет.

Джон не сказал «нет», Джон сказал, что он должен подумать.

Подумать!

Шерлок улыбается, выбирается из постели, раздевается и голышом отправляется в ванную.

Все будет хорошо. Уж с «подумать» он как-нибудь разберется...

*

Детектив наливает себе вторую чашку кофе, когда Джон появляется в проеме двери, и первое, что Шерлоку бросается в глаза – друг тщательно выбрит. В груди мгновенно разливается тепло, ускоряя кровообращение, и Холмс торопливо подносит чашку ко рту, пряча улыбку.

- Я сделал тосты.

- Ок, – Уотсон раскрывает холодильник и смотрит в его недра до тех пор, пока тот не начинает издавать пронзительный протестующий писк. – Где масло?

- На столе.

- Ок, – Джон захлопывает дверцу, оборачивается, усиленно притворяясь, что ничуть не смущен, и Шерлок не менее усиленно притворяется, что не замечает его смущения.

Они завтракают молча, украдкой поглядывая друг на друга, тишина и неловкость все более наэлектризовывают атмосферу, и у детектива появляется ощущение, что весь мир вокруг них замер, как замирает зрительный зал, следя за напряженным театральным действием на сцене.

Молния ударяет в тот момент, когда они одновременно тянутся за тостом, и их пальцы сталкиваются над тарелкой.

Уотсон вздрагивает, отдергивает руку, его уши и щеки заливаются краской. Холмс машинально берет теплый хлеб, намазывает его маслом и застывает, задохнувшись от заструившегося по жилам возбуждения. Масло тает, Джон нервно облизывает губы, и, поймав его потяжелевший взгляд, Шерлок неожиданно для самого себя опускается до банальной провокации – высовывает язык и медленно слизывает с тоста прозрачные капли.

Брови доктора Уотсона удивленно приподнимаются, глаза округляются, а еще через секунду он внезапно поднимается из-за стола и решительным шагом устремляется в комнату Шерлока.

Холмс аккуратно кладет хлеб на тарелку, тоже встает и на деревянных ногах отправляется следом.

*

- Скажи... - Джон сидит на краю неубранной постели и внимательно разглядывает стену позади детектива, - ведь у тебя уже были отношения... подобного рода?

Это легко. Даже не надо врать. Насторожившийся было Шерлок облегченно вздыхает.

- Да. Давно. Еще в юности...

Уотсон кивает, покусывая нижнюю губу, и Холмс решает удовлетворить собственное любопытство:

- А у тебя?

- Да, - теперь друг смотрит прямо на него, и в синем взоре определенно играют лукавство и вызов. - Давно. Еще в армии...

Детектив не успевает как следует обработать полученную информацию, потому что Джон тут же продолжает:

- Раздаться.

*

Ладони Уотсона нежно скользят по коже, исследуя и лаская, губы отмечают родинку за родинкой, и охваченный сладким томлением Шерлок приходит к однозначному, бесспорному заключению: секс с Джоном - единственное достойное оправдание наличию у детектива не только разума, но и тела.

На этот раз Джон действует не спеша, растягивая удовольствие, так что Холмс, беспомощно распростертый на постели, может в полной мере оценить мастерство, с которым друг то приглушает, то распалает пламя, грозящее в итоге испепелить их обоих.

- Ты красивый... - шепчет Уотсон, пальцы, дразня, поглаживают мошонку, язык оставляет влажную дорожку на внутренней поверхности бедра.

Шерлок шире разводит колени, приподнимает зад, намекает, напрашивается, но Джон позволяет себе помучить его еще немного, прежде чем член детектива оказывается в жарком плену его губ.

*

- Моя очередь...

- Я вовсе не против, - Джон улыбается, укладывается на спину, раздвигая ноги, и его

бескомпромиссная открытость провоцирует в Шерлоке вспышку хищнического инстинкта.

От иступленной потребности взять, подчинить, утвердить свое право резко перехватывает горло, но детектив усилием воли подавляет неуместный порыв, осознавая опасность какого-либо форсирования событий.

Член Джона влечет его, словно величайшая в мире загадка, и, опустившись на колени, Шерлок с головой отдается расследованию, тщательному и неспешному, – нюхает, лижет, посасывает, берет глубже, наслаждаясь тем, как плотный, широкий ствол заполняет его рот, и чувствует, как от звуков, издаваемых Джоном, в теле тугой спиралью вновь закручивается возбуждение...

*

Они лежат, тесно прижавшись друг к другу. Голова Джона покоится у Шерлока на плече, рука обнимает поперек торса, колено удобно устроилось на бедре, и детектив ловит себя на желании ощущать Джона на себе постоянно, ну, или большую часть времени, за исключением тех моментов, когда он хотел бы ощущать его под собой.

– Джон... – Холмс запинается, в сердце мышью скребется тревога, так как спрашивать об этом – ошибка, только вот полученное и доставленное удовольствие плохо способствует проявлению сдержанности. – А почему ты никогда бы не позволил себе ничего подобного с ним?

Уотсон напрягается всем телом, мышцы под ладонью Шерлока буквально каменеют, но ответ, тем не менее, не заставляет себя долго ждать.

– Потому что в самом начале наших отношений он очень доходчиво дал мне понять абсолютную неуместность чего-либо подобного в его жизни.

В Шерлоке вдруг вспыхивает злость на себя.

– Он был придурком!

– Нет, – возражает Джон. – Он был лучшим человеком, которого я когда-либо знал.

Его тон опасно бесстрашен, но детектив уже не может остановиться.

– Он был полным придурком!

Джон молча встает, берет в охапку одежду и выходит из спальни, а Шерлок остается лежать в постели, упрямо поджав губы, сверля суровым взглядом потолок и размышляя над тем, насколько это нормально – ревновать Джона к самому себе...

==== Часть девятая =====

На следующий день с целью оптимизировать пошатнувшиеся отношения Шерлок предпринимает вылазку в супермаркет.

*

– У нас праздник?.. – вернувшись из клиники, Джон заглядывает на кухню и скептически приподнимает бровь.

- Примирительный ужин... - чтобы победить дрожь в руках, надо занять их делом, и Шерлок хватает бутылку и штопор, усердно вкручивает спираль, давит на «крылышки», вытягивая пробку. - Ты вчера весь вечер со мной не разговаривал...

- И сегодня ты решил меня напоить, чтобы развязать мне язык... - доктор Уотсон присаживается к столу.

Мысль о языке Джона тут же наполняет сознание опасными для самообладания образами, Шерлок наливает вино и торопится сделать глоток, смачивая пересохшее горло.

- Белое... - Уотсон небрежным жестом поворачивает бутылку этикеткой к себе.

- Рыба... - откашлявшись, поясняет Шерлок и кивает в сторону пышущей жаром духовки. - Миссис Хадсон запекла рыбу.

Роль Яна Сигерсона раздражает его сейчас, как никогда раньше, заставляя сдерживаться, прятать за внешней дипломатичностью разрывающее изнутри нетерпение, и от невозможности незамедлительно утолить обуревающую его жажду у детектива кружится голова.

- За что пьем?.. - тон Джона нейтрален, ладонь ласкает округлость бокала, и губы Шерлока горят от желания прикоснуться к этой ладони.

- За мир во всем мире?.. - он всматривается в лицо друга, ища доказательства готовности забыть о размолвке.

Тот хмыкает, пригубивая вино, и Холмс решает проявить чуть больше настойчивости. Обходит стол, останавливается за спиной Джона, мягко кладет руки ему на плечи. Уотсон не двигается, но и не протестует, а его шея над воротником рубашки краснеет, и, расценив такую реакцию как положительную, Шерлок преисполняется смелости.

- Я надеюсь, ты не очень устал?.. - мурлычет он, наклоняясь, касаясь щекой жестких, коротких волос, слегка трется, пьянея от запаха. - У меня богатые планы на вечер...

Джон оборачивается, явно намереваясь что-то сказать, но детектив не дает - жадно целует, больше нападая, чем уговаривая. Поцелуй получается исступленным и требовательным, что мало согласуется с попыткой принести извинения, и, оторвавшись, наконец, от губ Уотсона, Шерлок, волнуясь, ловит его взгляд.

- Я не устал... - Джон прячет глаза за ресницами, его дыхание сбито, а плечи напряжены. - Вот только...

- Что?.. - тревожится детектив.

- Поесть бы не мешало, - светлые ресницы распахиваются, являя лучистую синеву, - кажется, кто-то говорил про рыбу.

- Рыбу... - Холмс задирает подбородок, укоризненно постукивая пальцами по столу.

- Да, - Джон уже не скрывает улыбки. - Только не пойми меня неправильно, это не значит, что я склонен выбирать между вами.

В шутке четко ощущается двойное дно, но выражение глаз у Джона невинно, и детектив хмурится в задумчивости, рассеянно вооружаясь прихваткой и открывая духовку. Горячий

воздух ударяет в лицо, Холмс отворачивается, одной рукой вытаскивая противень, и... неловко задев им за край духовки, почти роняет.

Почившая в соусе и овощах рыба опасно сдвигается по наклонной, грозя перевалиться через невысокий бортик, и, спасая ужин, Шерлок машинально хватается за противень другой, голой, рукой.

ЧЕРТ!!! ЧЕРТ!!!

- Идиот! - Джон молниеносно оказывается рядом.

Холмс с грохотом ставит противень на плиту, лихорадочно дует на пальцы, пока Уотсон хлопает дверцами шкафчика, доставая противоожоговый крем.

- Дай сюда! - зло приказывает он, в противовес тону крайне бережно беря Шерлока за руку и аккуратными движениями нанося крем на обожженную кожу. - Неужели нельзя было подумать...

- Извини... - шепчет детектив, после болевого шока охваченный неестественной эйфорией. - Думать у меня не всегда получается.

Джон вскидывает на него взгляд, сердитый и немного растерянный, стоя так близко, что их губы неизбежно встречаются, и, присев на стол, Шерлок раздвигает ноги, здоровой рукой привлекая друга еще теснее - грудь к груди, живот к животу, пах к паху.

- Хрен с ней, с рыбой... - бормочет Уотсон между поцелуями.

- Ты же голоден... - обличает его детектив.

- Да, голоден, - соглашается Джон и облизывается. - Очень хотелось бы взять что-нибудь в рот...

Шерлок улыбается, предвкушая, не сомневаясь в своей победе в словесной игре.

- Я хочу, чтобы ты взял меня... - сделанный акцент не оставляет простора для толкований, и детектив буквально плавится от удовольствия, наблюдая, как сияющую синеву в глазах друга постепенно затапливает обжигающая чернота.

*

- Ты уверен?.. - задыхаясь, в десятый раз спрашивает Джон.

Вопрос несколько потерял актуальность, с учетом того, что член Уотсона уже наполовину внутри детектива - давит, растягивая, лишая сил, нарушая естественную взаимосвязь между мозгом и речевым аппаратом. Чертоги предусмотрительно заперты на замок, и, теряясь в остроте ощущений, Шерлок с трудом находит способ облечь мысли в слова.

- Да... Джон... Пожалуйста...

Лежа на животе, он прячет лицо в подушку, стонет, изнемогая, Уотсон подхватывает его под бедра, приподнимает, осторожно входя до конца. Предельное наполнение заставляет Шерлока вскрикнуть, перед внутренним взором вспыхивают яркие искры, пока тело приспособляется

к чужому присутствию.

- Как ты?.. - Уотсон склоняется к спине детектива, целует, будто решив непременно коснуться губами каждого позвонка.

Его член пульсирует, резонируя, вызывая вокруг себя мучительно сладостный трепет. Шерлок пытается шевельнуться, но из рук и ног словно вынули кости, и он лишь вздрагивает от едва выносимых волн томящего жара.

- Эй?.. - Джона явно переполняет тревога. - Ответь, все нормально?.. - он слегка подается назад.

«Нет. Да. Пожалуйста. Дай. Джон. Мне. Хочу. Еще. Стой. Боже. Глубже. Трахни...» Обрывки мыслей кружатся бешеной каруселью, Шерлок напрягается, опираясь на локти, прогибается в пояснице.

- Нор... мально...

- Куда уж нормальнее... - то ли фыркает, то ли всхлипывает Джон.

Он снова так глубоко, насколько это возможно, и детектив, зажмурившись, рвано дышит, находясь во власти неожиданного отчаяния. Боль пока еще слишком тесно переплетена с наслаждением, чтобы он мог чувствовать себя уверенно, и, отдаваясь впервые за много лет, Шерлок банально нуждается в поддержке и одобрении.

Ему так хочется... так хочется, чтобы Джон назвал его по имени...

Горечь настойчиво въедается в душу, поскольку своего имени Шерлоку не услышать, а чужое воспринимается почти оскорблением: только не сейчас, не в этот момент, когда они с Джоном - единое целое, когда он принадлежит Джону...

- Хороший мой, хороший... - Уотсон обхватывает его обеими руками, крепко обнимает, прижимаясь щекой к влажной коже, и, стремительно погружаясь в головокружительную пучину его ласк, Шерлок больше ни о чем не задумывается...

*

Джон засыпает в его постели первый раз.

Уткнувшись в плечо, вдруг начинает тихо посапывать, и детектив замирает, боясь спугнуть странную, почти незнакомую, а оттого особенно удивительную безмятежность.

В теле постепенно ослабевает истома и нарастает вполне предсказуемый дискомфорт, ожог на ладони саднит, напоминая о фиаско с духовкой, но в душе царит непривычное равновесие, словно Шерлоку, наконец, удалось добиться баланса между мыслительной лихорадкой и разбушевавшейся чувственностью.

Он осторожно отпирает чертоги и начинает заполнять их новыми данными, подробностями испытанного наслаждения, анализируя их постфактум, готовя к дальнейшему применению. В сексуальных отношениях с Джоном еще так много всего неизведанного, неиспробованного, что Шерлок чувствует себя путником в начале бесконечной, сулящей множество удовольствий дороги.

Дороги в никуда...

Будущее, неотвратимое и непонятное, изгоняет покой из затянутой сумраком спальни, и, стремясь сохранить хотя бы отзвуки бесследно исчезающего умиротворения, детектив жмется к расслабленному, теплему телу Джона...

...А ночью просыпается в одиночестве.

*

Дальнейшие три дня определенно напоминают недели периода «обучения».

Сначала ожидание, бесцельное и изматывающее, затем возвращение Джона с работы, торопливый ужин на фоне нарастающего возбуждения, а потом, вместо «уроков», – секс. Они опять ограничиваются лишь взаимными ласками, доводя друг друга до изнеможения, а после Уотсон неизменно поднимается к себе, оставляя детектива придумывать, как заставить друга остаться.

В среду Шерлок притворяется, что ненароком уснул, оплетя Джона руками и ногами, но сквозь «сон» чувствует, как тот освобождается от «пут» и уходит. В четверг он решается попросить: «Не уходи...», Джон молчит, затем шепчет: «Прости...», целует его в лоб и уходит.

А в пятницу в гостиной на Бейкер-стрит ожидаемо появляется Майкрофт...

*

– Четырех недель вполне достаточно, – голос старшего Холмса суров, в глазах непреклонность, и Шерлока слегка потряхивает от неизбежности «решающего разговора».

– Для чего?.. – он обхватывает себя за локти, стараясь закрыться, но почти не надеется, что сумеет обмануть фамильную пронизательность брата.

– Для того чтобы найти наименее болезненный способ ознакомить доктора Уотсона с реальным положением дел...

Майкрофт пока еще ничего не заметил, но это вопрос времени, и, не в силах дожидаться неминуемого разоблачения, Шерлок срывается:

– А может, я вообще не стану ему признаваться!

Старший Холмс вздрагивает, смешно, по-птичьи дергая головой, и детектив сбивчиво бормочет почти умоляющим тоном:

– Мне вовсе не обязательно признаваться. Мы можем уехать из Лондона, из Англии. Куда-нибудь далеко, туда, где никто не знает ни его, ни меня...

Брови Майкрофта приподнимаются, челюсть отвисает, и его физиономия остается в таком, мало подобающем Британскому Правительству виде в течение целых трех секунд, так что Шерлок мог бы себя поздравить. Но он не может.

Брат окидывает его ошарашенным взглядом, едва слышно выдыхает:

- Нет...

И как ни растерян детектив, он понимает, что речь идет совсем не о безрассудной идее покинуть Лондон.

- Не твое дело! - огрызается Шерлок, чувствуя себя не просто обнаженным - вывернутым наизнанку.

Майкрофт безмолвствует так долго, что отчаяние сгущается в комнате до физически ощутимой субстанции.

- Ты должен ему сказать, - наконец, произносит старший брат, и сочувствие в его голосе заставляет младшего закрыть лицо руками.

- Он уйдет.

- Да, уйдет, - соглашается Майкрофт. - А ты потом придумаешь, как вернуть его обратно...

*

В тот вечер Шерлок снова отдается Джону.

Стонет, хрипит, задыхаясь, иступленно мечется на простынях, комкая их длинными пальцами, горит, позволив разуму отключиться. Измученный повседневным притворством, в сексе он ощущает себя свободным, не опасаясь быть узнанным - ведь друг раньше никогда не видел его таким.

И, вырвавшийся на волю, стараниями Уотсона взмывая к высотам блаженства, детектив не сдерживает криков:

- Джон... Джон... Джон...

*

«Придумаешь, как вернуть его обратно...»

Шерлок вздыхает. В конце концов, это нерационально - бороться с проблемой вместо того, чтобы попытаться предотвратить ее появление.

Все еще тяжело прижимая Холмса к постели разгоряченным телом, Джон целует его благодарно и нежно, и, читая во влажных, сияющих лазурью глазах то, что предназначено и ему, и не ему одновременно, детектив по-прежнему ни в чем не уверен.

*

Беда редко предупреждает о себе заранее, вот и Лестрейд, возникнув ранним субботним утром в квартире на Бейкер-стрит, никак о себе не предупредил.

*

- Инспектор?.. - сердце детектива ухает вниз, оставляя в груди свербящую, болезненно разбухающую пустоту. - Как вы сюда попали?..

- Что?.. - Лестрейд недоуменно оглядывается, сжимая в руках бумажную папку. - А... Это... было не заперто.

Миссис Хадсон. Магазин. Теплый хлеб к завтраку.

- Кофе, Грег?.. - Джон поднимается из-за стола и достает еще одну чашку. - Позавтракаешь с нами?

- Крепкого чая, если можно, - Лестрейд плюхается на стул. - Всю ночь не спал...

Прямоком с места преступления. Убийство. От предчувствия катастрофы у Шерлока леденеют руки.

- Тогда я поставлю чайник, - Джон отворачивает кран холодной воды.

- Шерлок... - инспектор устремляет на Холмса усталый взгляд. - Мне очень нужна твоя помощь...

Все, на что оказывается способен детектив, это отрицательно помотать головой.

- Шерлок, пожалуйста. Я знаю, ты пока не работаешь, только Майкрофт мне не объяснил - почему.

Вода льется и льется, с бульканьем наполняя чайник.

- Я прошу, выслушай, - Лестрейд достает из папки несколько фотографий. - Это Сильвия Лайт, сегодня ночью обнаружена мертвой в своей постели. Задушена. В полицию позвонил муж, сказал, что нашел ее, вернувшись из командировки. Он коммивояжер, разъезжает по пригородам, продает пылесосы. Так вот, Шерлок, я нутром чую, что это он. Я знаю, что это он. И никакой зацепки, ничего, что могло бы сойти за мотив... Обычная супружеская пара, бездетные, средний достаток, соседи говорят, даже не ссорились.

Очень медленно, словно против воли, Шерлок опускает голову, смотрит на рассыпанные по столу фотографии - молодая женщина в нижнем белье распростерта на кровати, посиневшее лицо перекошено в предсмертной гримасе.

- Он - убийца, Шерлок. Но я не могу этого доказать, а время уходит. Посмотри, просто посмотри, вдруг мы что-нибудь упустили...

- Любовник.

Собственный голос кажется громом среди ясного неба. Господи, неужели он произнес это вслух?!!

Кровь жарко ударяет в голову, и Холмс в ужасе оборачивается к Джону. Тот не двигается, замерев над раковиной. Вода, журча, переливается через край чайника, искрящимся водопадом стекая по белому пластиковому боку.

- Любовник?.. - Лестрейд возбужденно перебирает фотографии. - С чего ты взял?..

И внезапно Шерлок осознает, что второй шаг сделать значительно легче.

- Ее белье, - тихо поясняет он, уже не глядя на Джона. - Новое и, я уверен, очень дорогая марка. Не думаю, что со средним достатком можно просто так позволить себе что-то подобное. Кроме того, макияж...

- Черт! - инспектор поспешно засовывает фото обратно в папку. - Если только он не задушил ее, увидев сумму на чеке. Спасибо!

Лестрейд выскакивает за дверь, Уотсон аккуратно ставит в раковину наполненный до предела чайник и молча покидает кухню.

*

Дорога на эшафот оказывается немилосердно короткой, несмотря на то, что Шерлок еле-еле передвигает ноги. Поднявшись по лестнице, он останавливается перед приоткрытой дверью, медлит, глубоко вздыхая, и, наконец, заходит в комнату к Джону.

Уотсон стоит, отвернувшись к окну, плечи сгорблены, руки в карманах джинсов. Холмс весь поджимается, открывает рот, изо всех сил стараясь вытолкнуть наружу напроочь застревающие в горле оправдания, но тут Джон оборачивается, смотрит на него с тоскливым спокойствием:

- Можешь не мучиться, подбирая слова, Шерлок. Я давно знаю, что ты - это ты.

Словно мощный удар в грудь заставляет шарахнуться назад, на несколько секунд лишая дыхания. Холмс обессиленно приваливается спиной к стене, пока его мысли мечутся, будто всполошенные выстрелом птицы.

Знает?! Знает. Невозможно. Возможно. Очевидно. Давно. Насколько давно? Когда? В какой момент?.. И понимая, что не в состоянии сам определить точку невозврата, Шерлок с трудом разлепляет онемевшие губы:

- Как... давно?..

Джон болезненно морщится, отводя взгляд:

- С того вечера, как первый раз поцеловал тебя на диване...

==== Часть десятая =====

Картина мира стремительно разваливается на отдельные составляющие, логические связи расплзаются, словно гнилые нити, факты бессмысленными фантиками разлетаются по охваченным пожаром чертогам - Шерлок прижимает к пылающему лбу ледяную ладонь, но защитить разум от атакующего его огненного вихря эмоций не получается.

Изумление, стыд, гнев, обида, растерянность сливаются воедино, раскаленным кузнечным молотом ударяя по сердцу. Тяжкое, пугающее, невыносимо болезненное разочарование совершенно выбивает почву из-под ног, и в попытке ухватиться за что-нибудь более надежное и менее обманчивое, чем чувства, детектив изо всех сил концентрируется на том, чтобы создать новые логические связи взамен утраченных.

Джон сказал, что все понял в тот вечер, когда первый раз поцеловал его на диване.

Шерлок отчаянно мотает головой, не давая себе вновь отвлечься на сантименты.

Понял, когда поцеловал. Поцеловал и понял. Понял... потому что поцеловал?..

Чушь. Не сходится. Не может быть. Бессмысленно...

- Ты не все знаешь... - тихо произносит Джон, вновь с пристальным вниманием глядя на друга.

Само собой разумеется...

Шерлок кривит губы, желая изобразить презрительную усмешку.

Неизвестный, а следовательно, неучтенный факт - и вся цепочка выводов оказалась неверной. Он ошибся. Воспринял происходящее в неправильном свете. Выставил себя идиотом. Злость снова накатывает обжигающим валом, оскорбленное самолюбие заставляет высокомерно приподнять бровь.

- Дело в том, что я... - Уотсон замолкает, сглатывает, и, облизнув губы, продолжает обреченным тоном, - ...уже целовал тебя прежде.

Под коленями слабеет. Холмс делает четыре нетвердых шага к кровати и плюхается на нее. Уже целовал. Конечно. Так и есть. Невероятное, но единственное логическое объяснение. Вот только согласиться с ним значит признать провалы в собственной памяти.

Джон никогда, никогда не целовал его прежде. Он никогда даже близко не был к тому, что Шерлок мог бы назвать поцелуем. Детектив зажмуривается, картины прошлой жизни - жизни с Джоном - пестрой лентой скользят перед его внутренним взором, и обнаружить истину оказывается неожиданно просто.

- Ирен Адлер... - сдавленным шепотом озвучивает он очевидное.

- Да... - Джон неловко улыбается, явно впечатленный скоростью разоблачения.

В его глазах расцветает знакомое восхищение, но сейчас оно вызывает лишь прилив отравляющей горечи, Шерлок морщится - и улыбка исчезает с лица доктора Уотсона.

- Ты прав, это было в тот день, когда она вколола тебе наркотик, - теперь Джон смотрит виновато и с вызовом одновременно. - Я привез тебя домой, ты был практически без сознания, а я... - он на мгновение отворачивается, - ...я был зол. На нее. На себя. На тебя. Я... ревновал.

Их взгляды встречаются, и Холмс вздрагивает от разбегающихся по телу мурашек.

- Ты был не в себе, бормотал какую-то ерунду, и я... не удержался, - доктор Уотсон пожимает плечами. - Воспользовался твоим бессознательным состоянием, - отчеканивает он твердо, и у детектива не возникает сомнений: несмотря на признание неэтичности своего поступка, Джон не собирается жалеть о содеянном. - Естественно, ты ничего не запомнил.

Шерлок так близок к тому, чтобы истерически расхохотаться, что ему приходится зажимать себе рот ладонью. Он... запомнил. Он отлично помнит то странное, теплое, тревожаще интимное ощущение, с которым он очнулся в тот день, очнулся... и позвал Джона прежде, чем вообще сообразил, где он и что с ним случилось.

А потом он связал это ощущение с ней... Идиот.

- Так что... когда я в тот вечер напился и... - доктор Уотсон опускает взгляд и страдальчески

сдвигает брови, – сам понимаешь, можно подделать внешность, можно изменить голос, но...

– Вкус и запах подделать невозможно, – резко перебивает его Шерлок.

Джон кивает, и в комнате повисает тягостное молчание. Теперь, когда с пробелом в фактическом материале покончено, Холмсу больше нечем заслониться от больно жалящей душу обиды.

– Почему тогда... – начинает он, стараясь удержаться, но не удерживаясь от обвиняющей интонации, – ...ты не признался сразу? Зачем притворялся? Зачем позволил притворяться мне?

Пару секунд доктор Уотсон удивленно моргает, затем его лицо приобретает ожесточенное выражение.

– Это была твоя игра, Шерлок, – напоминает он раздраженно. – Я лишь подыгрывал. И потом... – взгляд Джона внезапно загорается гневом. – Ты держал меня в неведении три года!

Вот оно. В груди давит так, что невозможно сделать ни вдоха, ни выдоха, и слова удается произнести вопреки всем законам физиологии:

– Так... это... была... месть?..

– О, господи, нет!!! – кричит Джон.

Холмс верит сразу и безоговорочно, испытываемое облегчение настолько же велико, насколько мучительным было владевшее им подозрение, и только поэтому он совершает ошибку – улыбается...

Уотсон бледнеет.

– Тебе смешно, да?.. Тебе смешно?!! – он неожиданно бросается вперед и, вцепившись растерявшемуся Шерлоку в плечи, яростно его встряхивает. – Ты хоть представляешь, что я испытал в тот момент?!! В одну секунду обнаружить, что ты... ты... жив... – гневный взор завлакивает влажным, Джон судорожно выдыхает, отпускает детектива и медленно выпрямляется. – Это действительно очень смешно... – с горькой усмешкой соглашается он. – Я оказался четырежды идиотом...

– Джон...

– Четырежды идиотом!!! – доктор Уотсон растопыривает пятерню и начинает загибать пальцы. – Во-первых, я позволил тебе обмануть меня три года назад. Во-вторых, не поверил тебе, когда ты вернулся и рассказал-таки правду. В-третьих, снова поверил, когда ты меня опять обманул. И в-четвертых... – его голос срывается, и фраза остается незавершенной.

– И в-четвертых?.. – тоскливым эхом откликается Шерлок.

– И в-четвертых... – едва слышно повторяет Джон и вдруг в сдающемся жесте поднимает вверх обе руки. – Ладно! Я смалодушничал! Струсил, потому что умудрился открыть тебе то, что никогда открывать не был намерен!

«Не был намерен...»

Холмса снова бросает в жар, и он недовольно бормочет, страдая от иррациональности одолевшей его ревнивой досады:

- Не понимаю, зачем тебе вообще понадобилось прятать от меня... свои чувства... раньше...

Джон склоняет голову на бок, щурится, недоуменно его разглядывая.

- Затем, что раньше ты не отвечал мне взаимностью, и я вряд ли бы мог оставаться твоим... соседом, зная, что ты знаешь, что порой все, о чем я способен думать, сидя с тобой за одним столом, это о том, как нагнуть тебя над ним.

Грубость действует отрезвляюще, детектив зарывается пальцами в кудри, чуть ли не на ощупь пытаюсь найти выход из лабиринта чрезмерно запутавшихся отношений.

- То есть ты не мог признаться, что узнал меня, потому что тогда тебе пришлось бы уйти?..

Уотсон трет ладонями лицо, отдувается и присаживается на кровать рядом с Шерлоком.

- Не знаю, как я не сошел с ума тогда ночью... - он невесело усмехается. - Таким несчастным придурком себя чувствовал... Таким счастливым несчастным придурком...

Сердце, определенно, самая раздражающая часть тела, имеющая обыкновение при случае биться совсем не там, где ей положено, и Холмс обхватывает горло в попытке обуздать вышедший из повиновения орган.

- Я не мог остаться, не мог уехать, я совершенно не понимал, что происходит, что это за идиотский спектакль с Яном Сигерсоном... - доктор Уотсон, опустив голову, поглаживает ладонями колени. - Да я и сейчас этого не понимаю...

От страха, что он ничего не сумеет объяснить, у Шерлока начинает шуметь в ушах, но Джон пока не требует никаких объяснений, он хочет объяснить сам.

- Я трижды начинал собирать вещи, а потом... - Уотсон сцепляет руки в замок, костяшки пальцев белеют от напряжения, - потом вдруг подумал, что поцеловал-то я не Шерлока, а Яна. И... в общем... я решил подождать... посмотреть, как ты поведешь себя... теперь... когда все про меня понял. Не знаю, на что я надеялся. Я жутко боялся тебя увидеть и... хотел этого больше всего на свете.

Шерлок слушает, не шевелясь, замерев каждой клеточкой своего тела, перестав ощущать даже трепыхающееся в горле сердце.

- Так что я едва заставил себя выйти к тебе на следующее утро... а ты... ты сидел там в гостиной, и... - Джон тяжело вздыхает, пробираясь сквозь словесные дебри и мучительные воспоминания, - оказалось, что ты... что... ничего не изменилось... и это... черт тебя задери, Шерлок, оказалось, что это невыносимо - смотреть на тебя, зная, что ты мне лжешь!

Холмсу очень хочется сказать, что для него лгать тоже было невыносимо, но мысли так и не облекаются в слова, и он продолжает безнадежно молчать, уставившись в пространство перед собой. Уотсон оборачивается к нему и вдруг накрывает его руку ладонью.

- Я же почти возненавидел тебя, понимаешь? Как только вспомню эти уроки... Ну, вот скажи, какого хрена, какого твою мать тысячу раз гребаного хрена тебе понадобились уроки?! - он ждет, замерев, а Шерлок и рад бы ответить, вот только логически вразумительного ответа на данный вопрос не существует, а прикосновение Джона лишает детектива последних сил. - Я прятался от тебя потом всю неделю... - Уотсон отстраняется, убирая руку, и Холмс сразу чувствует себя обездоленным. - Боялся, что не удержусь... ударю.

Джон встает, нервно ходит по комнате, затем вновь останавливается перед Шерлоком.

- Да я едва не набросился на тебя в тот вечер, когда ты заявился ко мне, весь такой... до смерти на себя похожий, и принялся плести о том, что Майкрофт хочет проверить, хорошо ли ты научился притворяться. Научился притворяться. Это ты-то!!!

До краев наполненный упреком тон внезапно выводит детектива из ступора.

- Ну, знаешь! Кто бы говорил! - парирует он, почти радуясь возможности возмутиться. - Никогда не думал, что ты настолько хороший притворщик.

Джон пропускает претензию мимо ушей, наклоняется, с мольбой глядя Холмсу в лицо.

- Скажи, ведь это из-за Майкрофта, правда?.. Это он ради своих целей подговорил тебя устроить представление?..

Соблазн свалить все на старшего брата огромен, детали новой легенды моментально рождаются в окрыленном надеждой сознании, складываясь в вполне верибельную картинку, Шерлок открывает рот и... выдохнув, отрицательно качает головой.

Одной ложью нельзя исправить другую, а третьей - две предыдущие...

Доктор Уотсон на несколько секунд закрывает глаза, горбится, ежится, как от озноба.

- В ту ночь я в четвертый раз собрал свои вещи... - продолжает он удрученно. - Но утром решил поехать с тобой, подумал, что, может, в участке разберусь, что к чему. Пойму, наконец, что за игру ты затеял... - в контексте всего, что им пришлось пережить, слово «игра» воспринимается неуместным до оскорбительности, но крыть Шерлоку нечем. - Однако в результате еще больше запутался - не смог определить, знают ли там, знают ли по-настоящему, что ты - это ты...

- Знают... - что-либо скрывать теперь глупо. - Все знают. Знали. Кроме...

- Черт! - Джон с размаху ударяет по стене кулаком. - Гребаный идиот!

- Послушай... - Шерлок торопится отвлечь друга от бессмысленного самоуничтожения. - Я ведь почти выдал себя тогда в участке...

- Представь себе, я заметил... - Уотсон смотрит в пол, голос звучит глухо. - Когда Донован ляпнула про дедукцию, я... обрадовался. Подумал, что тебе будет трудно удержаться от соблазна поставить ее на место. Хотел посмотреть, как ты станешь выкручиваться...

- Посмотрел?.. - в груди снова змеиным клубком копошатся боль, обида и горечь.

- Посмотрел, - Джон поднимает взгляд, его губы подрагивают, уши алеют. - Вот только когда ты... растерялся, я вдруг осознал - пусть я не знаю, в чем суть твоей новой игры, пусть совершенно не понимаю ее правил, пусть даже мне в ней отведена роль последнего идиота...

Детектив пытается подняться с кровати, но ноги не слушаются, Уотсон инстинктивно шагает ближе, и, словно хватаясь за спасательный круг, Холмс обнимает его за пояс, утыкаясь лицом в живот.

- Пусть даже ты сделал из меня идиота... - ладонь Джона мягко ложится ему на затылок. - Я

все равно не могу позволить тебе проиграть...

Шерлок прижимается теснее, отчаянно желая, чтобы их разговор на этом закончился. Уотсон молчит, ласково перебирая его волосы, затем аккуратно надавливает на плечо, заставляя отстраниться.

- Ты чуть до инфаркта меня не довел своим поцелуем, - сообщает он с грустной улыбкой. - Я боялся, что это тоже часть игры, что тебе зачем-то нужно, чтобы я переспал с твоим двойником, и ты решил воспользоваться моей слабостью...

- А сейчас?..

- Что?

- Сейчас ты этого не боишься?..

- Нет, - серьезно отвечает Джон и делает шаг назад, вновь увеличивая расстояние между ними. - Я знаю, что это не так. Но все равно хотел бы понять, что же это была за государственная необходимость...

- Не было никакой государственной необходимости... - предельная бессмысленность собственного обмана режет по живому, в кровь раздирая сознание, и детектив шепчет главное, будучи не в состоянии вдаваться в подробности: - Все из-за тебя...

- Из-за меня?! - ошеломленно и чуть ли не по слогам переспрашивает доктор Уотсон и вдруг опускается перед Шерлоком на колени, с изумлением заглядывая ему в глаза. - Из-за меня?.. Шерлок, так это из-за того, что я тебе не поверил?..

Приподняв брови, он недоверчиво хмыкает, и Холмса внезапно охватывает злость.

- Между прочим, тогда, три года назад, я спасал твою жизнь!

Джон поджимает губы, раздумывая, затем осторожно берет Шерлока за руки.

- Я знаю, - веско говорит он, поглаживая ледяные кисти детектива. - Вот только я предпочел бы сто раз умереть, чем один раз пережить твою смерть... - синий взор темнеет, наполняясь страданием. - Черт возьми, Шерлок, я любил тебя, и я тебя потерял!

В носу невыносимо щекочет, детектив морщит переносицу, моргает, отводя взгляд.

- Я же дал тебе подсказку... - бормочет он, используя последнюю возможность оправдаться. - Перед тем, как прыгнуть, я сказал тебе, что это трюк...

Доктор Уотсон безмолвствует, глядя на него с непонятым, а потому тревожащим выражением, и, наконец, устало вздыхает:

- Я тоже дал тебе подсказку... - сердце мгновенно сбивается с ритма, потому что догадка вспыхивает в сознании чуть раньше, чем Джон произносит вслух конец фразы: - Я назвал тебя твоим именем, когда мы первый раз занимались любовью...

Слепец... Чертов слепец...

Доктор Уотсон бережно соединяет его ладони, прижимает их к своим губам, согревая дыханием.

- Ты сказал, что хочешь быть со мной, кем бы ты для меня ни был... - напоминает он с мягкой полуулыбкой. - Что ж, а я люблю тебя, как бы ты себя ни называл...

Шерлок позволяет себя поцеловать, находясь в состоянии странного оцепенения.

Готовность Джона начать все сначала не вызывает сомнений, но вместо ожидаемого облегчения детектив почему-то ощущает досаду. Он по-прежнему чувствует себя обманутым, и мерзкое послевкусие вранья, пусть эмоционально оправданного и логически обоснованного, но от этого не менее угнетающего, отравляет надежду на будущее, лишая уверенности, и сам озадаченный собственными ощущениями, Холмс легонько отталкивает прильнувшего к его губам доктора Уотсона.

- Джон... подожди... Джон, я, кажется... Джон... - он ловит полный непонимания взгляд, запинаясь, осознавая серьезность вероятных последствий, но притворяться снова - выше его сил, и Шерлок продолжает упрямо и жалобно: - Джон, по-моему, я не могу простить...

Он смотрит в сторону, не желая видеть, как постепенно застывает лицо доктора Уотсона. Тот поднимается с колен, засовывает руки в карманы джинсов.

- Ты не можешь простить... - он кивает сам себе. - Ясно...

*

Десять минут... - думает Шерлок. - Десять минут понадобится Джону, чтобы собрать свои вещи.

Джону хватает семи.

Уже на выходе из комнаты, держа в руках спортивную сумку, он на мгновение оборачивается:

- Твои вещи в коробке под кроватью.

Когда внизу хлопает входная дверь, Холмс нагибается, вытаскивает из-под кровати картонный короб. Под аккуратно свернутым синим халатом обнаруживаются ноутбук, череп, кружка и фото в рамке, то самое, сделанное на месте преступления.

Шерлок берет в руки фото, разглядывает, потом бросает обратно в коробку. Навзничь валится на постель и, уставившись в испещренный трещинами потолок, горько усмехается:

- С возвращением...

===== Часть одиннадцатая =====

Он до самого вечера не выходит из комнаты Джона.

Лежит на кровати, словно мертвец - сложив на груди руки, закрыв глаза и не двигаясь, укрывшись от суровой действительности в чертогах. Горячая маета в его душе постепенно сменяется опустошенностью, сердце перестает выстукивать лихорадочную барабанную дробь, и частично освобожденный от гнета дестабилизирующих мыслительную деятельность сиюминутных эмоций Шерлок предпринимает попытку разобраться в себе.

Он любит Джона. Это очевидно.

Любит...

Детектив прислушивается к мягкому, щемящему трепету, что распространяется у него под ребрами, вызывая прилив крови к щекам и теплый спазм внизу живота. Воображение незамедлительно визуализирует физические ощущения: синий взгляд – так близко, что Шерлока безнадежно утягивает в его радужную, сияющую бесконечность, ладони, ласково скользят по его коже, жаркий шепот, стоны, срывающиеся с искусанных губ...

Воспоминания обрушиваются на него беспощадной лавиной, множатся, до предела заполняя чертоги, наслаиваются одно на другое, видоизменяясь в свете последних открытий, мельтешат, задевая ментальные нити, соединяющие разум Шерлока с его сердцем, провоцируют противоречивые эмоциональные импульсы.

Гигантским усилием воли детектив концентрируется, абстрагируется от чувств, позволяя им разгореться, словно со стороны, через микроскоп, наблюдает за эмоциональным коктейлем в своей душе, анализируя, вычленив ингредиенты – нежность, радость, восторг, вожделие, горечь, обиду, привязанность, страх, благодарность, надежду, растерянность, злость, недоверие...

И внезапно ему кажется, что он нашел выход.

Это элементарно. Как же он сразу до этого не додумался?! Он просто почистит свой жесткий диск и удалит те исходные данные, которые вызывают у него негативные переживания, отравляют его любовь к Джону. Вот прямо сейчас все переберет, систематизирует и ликвидирует лишнее. Он избавится от причины, и тогда будет не нужно бороться со следствием...

Разум оживляется, готовый подвергнуть тщательному анализу жесты, взгляды, слова, интонации, свет в конце туннеля озаряет тоскливый сумрак чертогов и тут же меркнет вслед за немедленным осознанием – бесполезно, привычный метод на этот раз не сработает. Выход на деле оказался еще одним тупиком...

Шерлок сильнее зажмуривается, однако это не помогает, и слезы все равно выскользывают из-под ресниц, скатываются по вискам, заставляя еще острее чувствовать свое поражение. У него не получится выдернуть из узора воспоминаний одну нить так, чтобы не уничтожить целостности картины. Если он забудет, что Джон ему лгал, он опять окажется во власти иллюзий.

Правда и ложь так тесно переплелись в их отношениях, что теперь невозможно отделить одно от другого, и чтобы удалить то, что причиняет ему боль, придется избавиться от всего, что связывает его с Джоном...

*

По крайней мере, теперь он снова хозяин в собственном доме.

Держа обеими руками коробку с вещами, Шерлок спускается по лестнице, толкает плечом дверь в гостиную, проходит в комнату и с грохотом ставит коробку на стол.

Хозяин...

Подбоченившись, он осматривается, надеясь испытать ту уверенность, которую должно

придавать это слово. Он снова будет жить так, как захочет, без оглядки на кого бы то ни было. Без... Детектив вздрагивает от мимолетного, но четкого ощущения, что ответ на его главный вопрос где-то здесь, совсем рядом, прячется в тишине, охватившей квартиру. На глаза попадает каминная полка, Шерлок вынимает из коробки череп, водружает его на законное место, в задумчивости очерчивает указательным пальцем пустые глазницы... «Это череп?..» – «Мой друг...» Смешно, он даже не подозревал, насколько одинок, пока в его жизни не появился Джон Уотсон.

Воспоминание о том, как он впервые привел Джона на Бейкер-стрит, отзывается в груди новым спазмом, детектив хмурится, потирая ладонью в области сердца, и вдруг встречается взглядом с своим отражением в зеркале.

– Что?! Что ты так смотришь?!! – общаться с зеркальным двойником – вершина идиотизма, и от этого Шерлок злится на себя еще больше. – Ты же сам во всем виноват!!!

Он упирается руками в каминную полку, наклоняется, обессиленно прижимаясь к ней лбом, тяжело дышит, подавляя отчаяние. Да, он сам во всем виноват. Да, он сам заварил эту кашу. Но только Джон все равно не должен был ему лгать...

Только не Джон...

...Джон Уотсон – образец искренности и прямоты. Шерлок саркастически фыркает, оборачиваясь, в раздражении вновь оглядывая гостиную. Отвратительно. Все на своих местах. Идеальный порядок. Ничего удивительного, ведь Ян Сигерсон был крайне осмотрителен, он слишком боялся потерять расположение доктора Уотсона...

Холмс судорожно сжимает кулаки и вдруг срывается с места, достает из коробки ноутбук, бросает на спинку стула халат, хватая кружку. Стремительно шагает на кухню и застывает, уставившись на две чашки с недопитым кофе, забытые на столе после утренней катастрофы.

Черт, он столько времени отказывался от самого себя, но дело даже не в том, что Джон не считал нужным избавить его от унизительного в своей бессмысленности притворства.

Гораздо большее то, что друг позволил ему пребывать в заблуждении относительно истинных обстоятельств происшедшего, сознательно оставил его бродить в темноте, хотя мог помочь ему выйти на свет.

Джон позволил ему ошибиться...

*

Новый приступ горькой досады заставляет развить бурную деятельность.

Сначала Шерлок целенаправленно «обустраивается» в гостиной – инспектирует книжные полки, внося неразбериху в аккуратные ряды книг, откладывая в сторону внезапно заинтересовавшие издания и тут же забывая про них. Вываливает на стол содержимое ящиков, перебирает папки с записями от предыдущих расследований, роется в шкафах в поисках артефактов, обнаруживает скрипичный футляр, но даже не дотрагивается до него.

Фото в рамке так и остается лежать в коробке, и Шерлок задвигает ее ногой подальше под стол.

Затем садится перед ноутбуком с твердым намерением возобновить работу своего сайта, сурово смотрит на экран, снова и снова пробегая глазами по строчке заглавия. Когда он в двести тридцать седьмой раз перечитывает словосочетание «наука дедукции», ему приходится признать, что достичь поставленной цели сегодня вряд ли удастся.

Далеко не здравая мысль, что все против него, даже он сам, заставляет в ярости вскочить со стула, чуть ли не скинув ни в чем не повинный ноутбук на пол. Ах, так? Ну, что ж. Значит, он займется экспериментами. Надо позвонить Молли, возможно, в морге завалилось что-нибудь подходящее. И, кстати, куда Джон задевал его микроскоп?!!

В ту же секунду от гнева не остается и следа, сердце тревожно и сладко сжимается, едва только Шерлок осознает, что именно он собирается сделать дальше. Очень медленно он берет со стола телефон и забирается с ногами в кресло. Пару минут размышляет, ласково поглаживая твердую, холодную поверхность телефонного аппарата, затем чуть дрожащими пальцами набирает сообщение: «Где микроскоп? ШХ».

Вполне обоснованный страх, что Джон ему не ответит, судорогой скручивает горло. Глупо... Зачем?.. Кроме того, сейчас ночь... Не стоило... Он идиот...

Но ответ приходит почти мгновенно, столь же лаконичный, как и вопрос: «Кухонный шкаф. ДУ», и Шерлока неотвратимо затапливает облегчение, не имеющее никакого отношения к дислокации микроскопа.

*

Когда за окнами светлеет, он все еще сидит в кресле, по-прежнему сжимая в ладони телефон, словно не желая выпускать из рук подаренную ему сотовой связью иллюзию прикосновения к другу, сосредоточенно обдумывает ситуацию, но так и не приходит ни к какому решению. От безысходности наваливается усталость, и мысль о сне перестает казаться категорически неприемлемой.

Тяжело поднявшись на ноги, Шерлок плетется в свою комнату, распахнув дверь, замирает на пороге, впитывая холодное, отвращающее безмолвие, и вдруг, решительно развернувшись, устремляется к лестнице. Наверху тоже пусто, но отчего-то тепло и не так одиноко. Детектив задергивает занавески, отгораживаясь от рассвета, раздевается донага и забирается в разобранную постель, испытывая странное, будоражащее и слегка злорадное удовлетворение, словно злоумышленник, наконец, пробравшийся на запретную территорию.

Постельное белье пахнет Джоном, чуть-чуть, едва уловимые нотки, почти забытые ароматом кондиционера, но их оказывается достаточно, чтобы телом овладела истома. Шерлок переворачивается на живот, вжимаясь в матрас твердеющим членом, утыкается носом в подушку. Нарастающее вожделение палящими искрами выжигает огромные дыры в сомнениях по поводу уместности мастурбации, пока не уничтожает их вовсе.

Джон...

Зажмурившись, детектив резкими, рваными движениями трется о простыню, вцепившись в сбившееся одеяло, отпустив на волю воображение, хотя бы в рожденных страстью фантазиях проникая туда, куда ему так и не довелось проникнуть в реальности. Выплескиваясь, он прикусывает край наволочки, но удержаться от тоскливого стога не удается.

Джон...

*

Он просыпается от звука входящего сообщения, тянется за телефоном, сонно щурится, вглядываясь в экран.

«Доктор Уотсон провел ночь у сестры. МХ»

- Спасибо, Майкрофт...

Шерлок возвращает телефон на прикроватную тумбочку, усмехается, понимая, что, несмотря на свой ядовитый тон, по-настоящему благодарен брату, и даже не за информацию о местонахождении Джона. Майкрофт ненавидит писать сообщения, так что в данном случае с его стороны это несомненное проявление такта.

Откинув одеяло, детектив садится на постели, морщится, не утерпев, чешет покрытый заскорузлыми корками низ живота. Накануне он так и уснул в луже спермы, и теперь волосы в паху жестко склеились, заставляя передергиваться от омерзения. Вспоминать об акте самоудовлетворения сейчас стыдно, проявленная несдержанность кажется мучительно жалкой, и, желая поскорее избавиться от свидетельств досадной зависимости от собственной страсти, Шерлок торопится принять душ.

Вернувшись, он решает поменять постельное белье, открывает шкаф, и...

Непостижимо, какое ощущение горя может вызвать ряд пустых плечиков для одежды.

*

В течение нескольких часов детектив активно метит квартиру, оставляя повсюду грязную посуду из-под чая и кофе, и думает, думает, думает, прокручивая в голове все случившееся с момента своего возвращения. А когда в кухне не остается ни одной чистой чашки, хватается пальто и выскакивает на улицу.

*

- Какой сюрприз... - Гарри Уотсон с откровенной неприязнью оглядывает его с головы до ног. - Разве ты не умер?..

- Пока нет... - как бы ни хотелось связываться, Шерлок держит себя в руках, потому что где-то там за спиной этой женщины - Джон. - Впустишь меня?

- Зачем? - она затягивается сигаретой, выдыхая дым ему в лицо.

- Мне нужно поговорить с Джоном.

- Он не хочет с тобой разговаривать.

- Пусть он сам скажет мне это.

- Что случилось с твоей логикой, Шерлок?.. - она выходит на лестничную площадку, прикрывая за собой дверь в квартиру. - Как он тебе скажет, если не хочет с тобой разговаривать?..

- Гарри... - Холмс изо всех сил старается не поддаться острейшему желанию взять убежище

друга штурмом. – Давай, ты сейчас разрешишь мне войти, а потом я свожу тебя в бар и позволю тебе наговорить мне столько гадостей, сколько захочешь.

– Засранец... – она усмехается, покачивая головой. – Вижу, могила тебя не исправила.

Шерлок открывает рот, но вместо очередной колкости неожиданно и очень тихо произносит:

– Пожалуйста...

Сестра Джона вздрагивает, изумленно приподняв брови, затем взъерошивает пятерней крашенный в рыжий цвет ежик волос.

– Ты всегда добиваешься того, чего хочешь?

Он молчит, понимая, что часть бастионов благополучно взята. Гарри докуривает сигарету, тычет окурком в стену, чтобы его затушить, и поднимает на Шерлока ледяной взгляд:

– Когда ты сиганул с этой гребаной крыши, он... – она с трудом сглатывает, и детектив крепче стискивает зубы, чувствуя, что лицу становится горячо. – Я никогда не видела его в таком состоянии, даже когда погибли родители...

Несколько секунд они внимательно смотрят друг на друга, не нуждаясь в каких-либо дополнительных взаимных пояснениях, затем Шерлок кивает:

– Обещаю.

Гарри медлит, явно все еще сомневаясь, но потом все же шагает в сторону, пропуская его в квартиру:

– Заходи...

===== Часть двенадцатая =====

– Шерлок?.. – Джон стоит посреди комнаты, залитой ярким электрическим светом. – Зачем ты...? Что тебе нужно?

Ему очевидно некуда девать руки, и он сначала скрещивает их на груди, затем сцепляет за спиной и, наконец, опускает по швам, выпрямляется, словно солдат на параде. Шерлоку тоже некуда девать руки, а потому он засовывает их глубже в карманы, запахивая пальто, переминается с ноги на ногу, оглядывается на замершую позади него Гарриет.

– Ах, боже мой... – та картинно закатывает глаза и снимает с вешалки куртку. – Пойду куплю пива...

Детектив едва ли слышит, как щелкает дверной замок, безуспешно пытаясь вспомнить слова, которыми он планировал начать разговор. Осунувшееся лицо Джона отвлекает, отвлекают его взволнованный взгляд и покрасневшие уши, его язык, уже дважды пробежавшийся по губам... Шерлок хмурится, понимая, что сломить сопротивление Гарри, пожалуй, было самой элементарной частью задачи.

– Что тебе нужно? – снова повторяет Джон и вдруг едва заметно улыбается. – Ты нашел микроскоп?

- Что?.. Да. Нет... - Шерлок встряхивает кудрями, то ли согласно кивая, то ли отрицательно мотая головой. - Нашел...

Улыбка Джона становится чуть более явной, и, раздраженный охватившей его неуместной беспомощностью, детектив решает обойтись без вступительной речи.

- Мне нужен урок.

- Урок?.. - доктор Уотсон мгновенно перестает улыбаться, побледнев, пятится на пару шагов назад. - Шерлок... - голос звучит бесстрастно, резко контрастируя с угрожающе сжатыми кулаками, - ты же понимаешь, что сейчас очень близок к тому, чтобы оказаться с разбитым носом?..

- Если это плата за обучение, то я не против, - серьезно соглашается детектив.

Джон замирает, глядя на него округлившимися глазами, затем растерянно озирается и в итоге плюхается на заваленный разнокалиберными подушечками диван. Шерлок осторожно присаживается рядом.

- Ты простил меня.

Это не вопрос и не предположение, это констатация факта, и Холмс при необходимости готов предъявить доказательства, однако Джон не собирается ничего отрицать. Понурившись, он разглядывает рассохшийся паркет у себя под ногами, потом, подняв голову, пожимает плечами:

- Да.

- Хорошо, - Шерлок нетерпеливо ерзает на диване, еще один этап пройден, и можно приступать к самому главному. - А теперь объясни мне, пожалуйста, как ты смог это сделать...

- Что?.. - доктор Уотсон откидывается на подушки, не сводя с Шерлока изумленного взгляда.

- Что непонятного? - раздосадованный, детектив забывает, что твердо намеревался следовать правилам хорошего тона. - Ты должен объяснить мне, как ты сделал так, чтобы у тебя перестало болеть вот здесь, - и он требовательным жестом прижимает ладонь к груди Джона.

Тот вздрагивает, но не отстраняется, даже наоборот - чуть подается навстречу, усиливая контакт, и после недолгого молчания тихо интересуется:

- А с чего ты взял, что у меня перестало болеть?

- То есть? - услышанное определенно сбивает с толку.

- То есть тот факт, что я тебя простил, - Джон смотрит так, словно вынужден объяснять само собой разумеющееся, - вовсе не означает того, что твой обман больше не причиняет мне боли...

- Но тогда... - концы с концами не сходятся, Шерлок поднимается с дивана, с силой трет лоб в мучительном опасении, что ему так и не удастся понять, - как?..

- Да вот так... - Джон тоже встает, подходит ближе, спокойно глядя на него снизу вверх, - просто все это неважно по сравнению с главным...

- С главным?.. - Холмс прищуривается, затем пренебрежительно взмахивает рукой. - Это ты о том, что любишь меня?.. - он наклоняется к слегка оторопевшему Уотсону, не в силах сдержать прорывающуюся наружу горечь. - Так я тоже тебя люблю. И что? От этого только хуже. Я все обдумал и пришел к выводу, что сила обиды прямо пропорциональна силе любви. То есть если бы я не любил тебя так сильно, мне было бы все равно, соответственно и не было бы так больно. И поэтому...

- Шерлок... - Джон на миг прижимает ладонь к его губам, пресекая словесное извержение, в синеве глаз искрит странная смесь наслаждения, сострадания и безысходности, и детектив замолкает, заинтригованный. - Все дело в том, что я больше не смогу без тебя жить...

Так просто...

Радужное сияние медленно наполняет чертоги, не оставляя ни единого сумрачного уголка, живительными лучами проникая в истерзанную сомнениями душу, постепенно смягчая, обесцвечивая, истончая болезненные ощущения, и, чувствуя себя так, словно он впервые за много-много дней может вздохнуть полной грудью, Шерлок заявляет со всей возможной категоричностью:

- Джон, ты должен немедленно вернуться домой.

- Почему?.. - доктор Уотсон улыбается с несомненным лукавством.

Шерлок осуждающе сдвигает брови, но все же поясняет очевидное:

- Потому что я тоже больше не смогу без тебя жить.

*

- Ого... - все еще держа в руке сумку с вещами, доктор Уотсон топчется посреди гостиной, потрясенно разглядывая вопиющие последствия стихийного бедствия под названием «Дурное настроение Шерлока Холмса». - И это за один день? Пожалуй, я буду скучать по Яну...

Отвернувшись к двери, чтобы повесить пальто, детектив цепенеет, напряженно выпрямив спину, ощущая внутри себя дурманящую пустоту, словно все чувства и мысли были выбиты из него одним прицельным ударом. Повисает молчание, а еще через секунду огорченный голос Джона звучит совсем близко:

- Шерлок, я пошутил...

- Пошутил?.. - повесить пальто на крюк все-таки удастся, пусть и с третьей попытки, а вот повернуться к другу лицом пока не выходит. - Я так не думаю...

- А как ты думаешь?.. - глухой стук - Джон бросает сумку на пол, затем несмело дотрагивается до плеча, но Шерлок сторонится прикосновения, поспешно пересекает гостиную и опускается в любимое кресло.

Вздыхнув, Уотсон располагается напротив, предварительно переложив на письменный стол оккупировавшие его кресло журналы и книги, и сдержанно констатирует:

- Ты думаешь, я неискренен.

Детектив упрямо вздергивает подбородок.

- Ты же не станешь отрицать, что он тебе нравился...

- Кто?

- Ян.

Джон почесывает бровь, явно пребывая в некотором замешательстве от диалога.

- Да, нравился... - он неожиданно расплывается в довольной улыбке. - Но, согласишься, у него было много положительных качеств...

- Неужели? - высокомерным тоном удивляется Шерлок. - И каких же?

- Ну... - доктор Уотсон вновь с показательным сожалением поглядывает на окружающий их беспорядок, - он был...

- Угодливым!

- Вежливым... - Джон с упреком покачивает головой.

- Трусливым!

- Осмотрительным...

- Занудливым!

- Аккуратным...

- Назойливым!

- Заботливым...

- Он был сентиментальным придурком... - в сердцах выпаливает детектив, понимая, что в очередной раз угодил в собственную ловушку.

Захлестнувшее отчаяние вынуждает стремительно вскочить с кресла, но Джон тоже вскакивает, и Шерлок моментально оказывается в надежном капкане его объятий. Самосознание определенно играет с ним злую шутку, потому что Холмс внезапно обнаруживает, что он всю целуется с Джоном, но совершенно не помнит момента, в который они начали целоваться, и соответственно, не смог бы сказать, как долго длится их поцелуй.

- Он был влюблен... - оторвавшись, наконец, от его губ, шепчет Уотсон.

- Кто?.. - и думать, и говорить очень сложно, реальность по-прежнему размыта и неустойчива, кроме того, Шерлоку мало, ему нужно больше - еще больше Джона, еще ближе, еще жарче, еще теснее...

Друг ухмыляется самым возмутительным образом, предпринятая в карательных целях попытка стереть ухмылку очередным поцелуем не увенчивается успехом, и Шерлок сурово насупливается, недовольный тем, что Джону приспичило разговаривать вместо того, чтобы продолжать целоваться.

- Ты сказал, что он был сентиментальным придурком... - теперь Уотсон смотрит встревоженно

и серьезно, – а я говорю, что он был влюблен...

Ян Сигерсон... Холмс прикусывает губу, вновь страдая от израненного самолюбия. Но Джон слишком близко, и эта горячая близость обезоруживает, лишает сил и желания защищаться, и Шерлок решается на капитуляцию, бормочет, теряясь от непривычной ему откровенности, от незащитности и уязвимости своих чувств:

– Я боюсь, что он нравился тебе больше, чем я...

– Идиот... – отчаянно выдыхает доктор Уотсон и размыкает объятие только для того, чтобы тут же обхватить ладонями лицо детектива. – Шерлок... он – это ты, понимаешь?.. Он – это тоже ты...

*

Сидеть и ждать, пока Джон выйдет из ванной – изощренная пытка, и детектив не выдерживает, накинув халат на голое тело, в жарком нетерпении шагает по спальне, сердясь на друга за нехоти затаившиеся водные процедуры.

И пусть ожидание длится всего пятнадцать минут, Шерлоку кажется, что прошла вечность.

*

Сначала они вместе навели относительный порядок в гостиной – Джон перемыл чашки, а Шерлок торопливо рассовал по местам журналы и книги, потом, столкнувшись на кухне, опять с неизбежностью начали целоваться и чуть не нанесли материальный ущерб миссис Хадсон, когда, потеряв равновесие, неловко рухнули на кухонный стол.

А затем Джон заявил, что ему нужно в душ, достал из сумки бритву и мыльные принадлежности, но не стал подниматься к себе, а занял ванную Шерлока...

*

...Шум воды стихает, Холмс перестает метаться из угла в угол, пристально смотрит на дверь ванной комнаты, словно пытаясь разглядеть что-то сквозь непрозрачное матовое стекло, и вдруг, осененный внезапным предположением, тянется к дверной ручке.

Так и есть – не заперто...

От радостного предвкушения по телу пробегает обжигающая волна, затаив дыхание, Шерлок заходит внутрь и аккуратно прикрывает за собой дверь, млея от чарующего ощущения дежавю – прямо перед ним спиной к нему стоит Джон и протирает волосы полотенцем.

Пояс халата почему-то оказывается затянутым в узел, детектив шепотом чертыхается, дергая его непослушными пальцами. Джон оглядывается через плечо, опускает руки, роняя полотенце, и, избавившись, наконец, от одежды, Шерлок бросается к нему, прижимается сзади, обнимая изо всех сил.

– Раздавишь... – Уотсон смешливо фыркает, и наказание следует незамедлительно – Шерлок без церемоний берет в плен его рот, и Джон с готовностью сдается на милость победителя, откидывает голову назад, подставляясь, позволяя партнеру доминировать в поцелуе.

Его тело – распаренное и влажное после душа, и Холмс с наслаждением безостановочно гладит его ладонями, прикивает губами к нежной коже под ухом, посасывает, лижет, покусывает с плотоядной настойчивостью.

– Послушай... – Джон чуть отстраняется, улыбаясь, заглядывает в глаза, – если тебе так важно получить над ним преимущество... – он перехватывает руки Шерлока, направляет их так, что одна ладонь детектива накрывает его член – горячий и твердый, а другая ложится на горло. – Я могу дать тебе то, что не давал ему. Хочешь?..

Шерлок хочет.

Так хочет, что даже не может об этом сказать, а может только покрывать благодарными поцелуями шею и плечи, ловя кончиками пальцев бешено колотящийся пульс, изнывая от удушающего, головокружительного желанья. Ему хочется взять Джона, проникнуть в него так глубоко, как только можно, раствориться в нем, прорасти в него, как деревья прорастают корнями в землю, завладеть им полностью и безоговорочно.

Мысль о том, что лучше добраться до постели, рождается и тут же исчезает, нещадно испепеленная вождением, Шерлок обнимает Джона за пояс, тянет вниз, на пол, заставляя опуститься на колени, зацеловывает спину, с благоговением касается ягодиц...

...Спустя несколько минут не существует ничего, кроме жгучего, иступленного, безумного вихря, с неодолимой силой уносящего все дальше и дальше, окружающая действительность гаснет, эмоции и мысли сливаются в одну точку, освобождая место все нарастающему физическому удовольствию. Джон громко вскрикивает, кончая, и Шерлока тут же неотвратимо выталкивает за грань, острота ощущений почти невыносима, и он тоже вскрикивает, отчаянно и победно, содрогаясь от охватившего тело мучительного блаженства...

*

Намного позже, предельно утомленные, они лежат в постели рядом друг с другом, и Шерлок лениво водит пальцем по спине Джона, вырисовывая собственный невидимый вариант таблицы Менделеева.

– Я что хотел спросить... – Уотсон приоткрывает один глаз, этот глаз лукаво поблескивает, и детектив прищуривается с подозрением. – Тогда в участке, в кабинете Лестрейда, когда ты...

– Повеселил тебя показательным выступлением?..

Вспоминать по-прежнему неприятно, но Джон сразу придвигается ближе, ласково касается губами губ, нейтрализуя всколыхнувшуюся было горечь.

– Мне интересно, что ты тогда так и недоговорил...

– У Андерсона в заднем кармане брюк была бумажка... – отчего-то визит в полицию вдруг кажется невероятно далеким и незначительным, – уверен, номер телефона, написанный губной помадой...

– Вот он засранец... – Уотсон забавно наморщивает переносицу. – Скажешь ей?..

– Нет... – Шерлок неожиданно ловит себя на непривычном сочувствии к Салли Донован. – Сами разберутся...

Джон удивленно вскидывает брови, но воздерживается от комментариев, снова целует, и, покоряясь опьяняющей нежности его губ, Шерлок забывает и про Салли, и про Андерсона, и про полицейский участок.

*

Ночью он внезапно открывает глаза, словно и не спал вовсе, выбирается из-под одеяла, голышом, передергиваясь от холода, выбегает в гостиную. Не зажигая света, опускается на корточки, тянет из-под письменного стола коробку, достает рамку с фото и также бегом возвращается в спальню.

В темноте разглядеть изображение невозможно, но Шерлок все равно всматривается в фотографию, потом тихонько ставит ее на прикроватную тумбу – точно так, как она стояла, когда он впервые ее увидел. Джон едва слышно ворчит, когда детектив жмет к нему захолодевшим телом, и тут же обнимает теплой рукой, привлекая к себе еще ближе, а Шерлок думает о том, как обозначить то состояние окрыляющей безмятежности, что сейчас владеет его душой.

Дефиниция приходит на ум за мгновение до того, как он снова проваливается в сон.

Счастье.

===== Эпилог =====

- Майкрофт, но вы-то взрослый, здравомыслящий человек... - голос Джона звучит с суровым упреком, но Шерлоку даже не требуется смотреть на друга, чтобы понять, что тот едва сдерживает смех. - Как вы могли позволить ему втянуть вас в эту авантюру с Яном Сиггерсоном?..

На лице Холмса-старшего застыло крайне кислое выражение, он терпеть не может подшучиваний над своей драгоценной персоной и тем более не обманут отповедью доктора Уотсона, и Шерлок с насмешливым видом покачивает ногой, тем не менее, сделав себе пометку отомстить Джону за возмутительные намеки. Майкрофт сидит в кресле напротив, недавно вернувшийся из клиники Уотсон, недолго думая, устроился на подлокотнике рядом с Шерлоком, и только этот факт отчасти мирит детектива с неуместным присутствием на Бейкер-стрит посторонних.

- Я должен принести вам свои извинения, доктор Уотсон... - скучным тоном отвечает Майкрофт, ему определенно нечем оправдываться, кроме привязанности к младшему брату, но Шерлок уверен, что подобных признаний они не услышат.

Однако Джон, похоже, в них не нуждается.

- Не переживайте... - теперь голос друга наполнен теплым сочувствием, и детектив ревниво настаивается, читая в глазах брата ответную благодарность. - Я сам во всем виноват...

Повисает неловкое молчание, Майкрофт откашливается, отводя взгляд, и, наконец, к откровенному ликованию Шерлока, поднимается на ноги.

- Что ж, я, пожалуй, пойду...

И тут терпение детектива подвергается новому испытанию.

- Тук-тук, можно?.. - миссис Хадсон заглядывает в гостиную.

Нельзя!!! Нельзя!!! Шерлок стискивает зубы, изо всех сил стараясь не поддаться яростному желанию вытолкать незваных посетителей за дверь, но Джон мягко кладет руку ему на плечо, и ярость сразу теряет накал, уменьшаясь до обычного раздражения.

- Я на минутку... - квартирная хозяйка поглядывает на них виновато и радостно. - Майкрофт, вы же не откажетесь прийти к нам на ужин в следующую субботу?.. - она складывает ладони в умоляющем жесте. - Ну, пожалуйста, маленькое торжество в честь возвращения Шерлока. Только мальчики, вы, я и... Гарри.

Ужас, мелькнувший на физиономии брата, сводит на нет раздражение детектива, и сам еще утром протестовавший против идеи семейного ужина, он неожиданно передумывает. Почему бы и нет. Гарри и Майкрофт. Может быть весело. Конечно, если Британское Правительство согласится...

В течение нескольких секунд Холмс-старший очевидно борется с самим собой, затем с придворной церемонностью наклоняет голову:

- Почту за честь, миссис Хадсон...

*

Когда в итоге они все-таки остаются одни, Шерлок тут же заявляет свои права на Джона - обнимает, вовлекает в нетерпеливый, собственнический поцелуй, но через минуту Уотсон перехватывает инициативу, зажав любовника в кресле, языком вытворяет что-то невообразимое с его шеей, заставляя того сладко вздрагивать от удовольствия, бормочет, ловко забираясь ладонями под рубашку:

- Черт, я дико соскучился...

Кожа Шерлока горит под настойчивыми прикосновениями, но это не мешает ему выразить недовольство:

- Нечего было столько времени проводить неизвестно где!

- Известно где... - парирует Джон, дразня, пробегает кончиками пальцев вдоль пояса брюк детектива. - И не придумывай, что ты не нашел, чем заняться...

Он чуть приподнимается, отмечая многозначительным взглядом и микроскоп на кухне, и скрипку на подоконнике, и раскрытый ноутбук на столе. С уликами не поспоришь, Шерлок действительно не терял времени даром: созвонился с Лестрейдом и Молли, оживил сайт и даже провел парочку экспериментов, но это не меняет сути его претензии, а потому он вновь привлекает Джона к себе, шепчет, касаясь губами уха:

- Я никак не мог дождаться, когда ты, наконец, вернешься с работы...

Джон не задерживается с ответом:

- А я никак не мог дождаться, когда, наконец, закончится рабочий день...

*

Сообщение приходит в самый разгар глубокого, умопомрачительного поцелуя, так что Шерлок дотягивается до лежащего на столе телефона только после целой серии надоедливых вибрирующих звуков.

- Кто?.. - интересуется Уотсон, продолжая поглаживать детектива везде, где только может достать.

- Лестрейд... - нахмурившись, Шерлок зачитывает сообщение: - «Мать и сын в запертой квартире. Очевидно двойное самоубийство, но хочу, чтобы ты взглянул на зеркало».

- Взглянул в зеркало?..

- На зеркало, Джон, на зеркало... - детектив освобождается из объятий, поднявшись с кресла, делает несколько шагов по комнате, в задумчивости глядя на телефон.

Двойное самоубийство. Зеркало... любопытно. Лестрейд не идиот, не стал бы звать его на место преступления, если бы там действительно все было очевидным. Значит...

- Поедем?..

Голос Джона доносится до Шерлока словно издали, заставляя вернуться из чертогов в реальность, смысл вопроса идеально согласуется с его собственным внутренним побуждением, и, взволнованный, охваченный по-детски счастливым азартом, детектив стремительно оборачивается к другу...

Черт.

Черт...

Они же собирались иначе провести этот вечер. Джон сказал, что соскучился. Он наверняка не обрадуется внезапному изменению планов...

Вспыхнувший в душе огонек будто бы задувает порывом ветра, но Шерлок не медлит ни секунды:

- Не стоит, вряд ли там обнаружится что-нибудь интересное...

Небрежность тона дается детективу легко, он уверен, что ведет себя правильно, вот только его тревожит странное выражение, промелькнувшее в глазах друга.

- То есть не поедем?.. - очень ровным голосом уточняет Уотсон.

- Нет... - Шерлок торопится поцеловать, чувствуя себя неуютно, ему вдруг показалось, что Джон посмотрел на него так, как поначалу смотрел на Яна Сигерсона, пожелавшего занять место Шерлока Холмса.

Но Джон с готовностью отвечает на поцелуй, и тиски, внезапно сдавившие сердце, медленно разжимаются.

- ...Как ты думаешь, что с этим зеркалом?.. - отстранившись, Уотсон облизывает губы и присаживается на край письменного стола. - Разбилось от пули, которая не должна была в него попасть?..

- Да с чего ты взял, что там вообще была какая-то пуля? - Шерлок с возмущением фыркает, машинально застегивая и заправляя в брюки рубашку. - Самая идиотская ошибка при расследовании - строить версии, не располагая достаточным количеством данных... - вновь задумавшись, он надевает пиджак, берется за пальто и вдруг натывается на веселый взгляд Джона: - Что?

Друг улыбается, глядя на него сияющими глазами:

- С возвращением...

mir-knigi.org